

**МИНИСТЕРСТВО ОБРАЗОВАНИЯ
АЗЕРБАЙДЖАНСКОЙ РЕСПУБЛИКИ
АЗЕРБАЙДЖАНСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ
ПЕДАГОГИЧЕСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ**

Маис АМРАХОВ

**ВОЗНИКНОВЕНИЕ
ГОСУДАРСТВЕННОСТИ
И ФОРМЫ ЗЕМЛЕВЛАДЕНИЯ
У ТЮРКОВ**

(Учебное пособие)

*Утверждено приказом
Министерства образования
Азербайджанской Республики
(пр. №1104, от 14.06.2011г.).*

**Баку
МУТАРДЖИМ
2011**

Редактор: **С.М. Сеидова,**
доктор философии по истории, доцент

Рецензенты: **О.В. Султанов,**
доктор исторических наук, профессор
Г.И. Баширов,
доктор философии по истории, доцент
Дж.А. Бахрамов,
*доктор философии по истории, заместитель
директора Института истории НАНА*
Г.М. Мамедов,
*доцент Бакинского славянского
университета, доктор философии по истории*

Амрахов Маис Исраил оглу. Возникновение государственности и формы землевладения у тюрков. *Учебное пособие.* – Баку: Мутарджим, 2011. – 120 стр.

А $\frac{4310010000}{026}$ 67-11

© Амрахов М.И., 2011

СОДЕРЖАНИЕ

<i>ВВЕДЕНИЕ</i>	4
<i>ГЛАВА I</i> РОДОВАЯ – ПЛЕМЕННАЯ ОРГАНИЗАЦИЯ У ТЮРКОВ.....	8
<i>ГЛАВА II</i> РАННИЕ ФОРМЫ СТРУКТУРЫ УПРАВЛЕНИЯ.....	30
<i>ГЛАВА III</i> ФОРМЫ ФЕОДАЛЬНОЙ ЗЕМЕЛЬНОЙ СОБСТВЕННОСТИ В ТЮРКСКИХ ГОСУДАРСТВАХ СРЕДНЕВЕКОВЬЯ (VI-XII вв.).....	45
<i>ГЛАВА IV</i> ЗЕМЕЛЬНАЯ СОБСТВЕННОСТЬ В ТЮРКСКИХ ГОСУДАРСТВАХ В XIII-XVI вв.	71
<i>ЗАКЛЮЧЕНИЕ</i>	105
<i>СХЕМА ГЕНЕЗИСА ТЮРКСКОЙ ГОСУДАРСТВЕННОСТИ</i>	109
<i>СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ</i>	110

ВВЕДЕНИЕ

Актуальность исследования. Вступление человечества в третье тысячелетие характеризуется как процессами интеграционного характера, так и сохранением само бытности и специфики культуры каждого народа. Одним из составных элементов сохранения самобытности народов является выявление особенностей складывающегося у него государства.

В исторической науке существует ряд проблем, которые характеризуются актуальностью. Это, прежде всего, проблемы становления и развития государственности, ее исторические, экономические, правовые аспекты, на всем протяжении существования человеческого общества. Как отмечал Гейдар Алиев «перед азербайджанскими историками стоят глобальные задачи, и, что любой период истории должен найти свое объективное отражение» (5, с. 3). В связи с этим изучение вопроса возникновения и развития государственности у кочевников – тюрков на наш взгляд есть и должно быть одним из приоритетных направлений в современной исторической науке.

Возрождение государственности тюркскими народами бывшего СССР, их параметры, масштабность, процессы, происходящие в них, те достижения и трудности на этом пути подтверждают мысли о том, что данная государственность берет свое начало с глубокой древности, в эпоху, когда тюркские кочевые народы намного раньше Европейских сумели заложить, развить и придать стройную структуру, наделить всеми атрибутами свое здание государственности. В большинстве своем, условия возникновения и основные пути развития государственных образований, созданных тюрками-кочевниками древности и средневековья, демонстрируют если не полную однотипность, то существенное сходство.

Долгое время в исторической науке бытовало мнение, что кочевые народы создали государственность гораздо позже,

нежели земледельцы Европы. Данное утверждение не имеет под собой исторической почвы.

Во-первых, общества скифов, хунну, а также некоторые других древние кочевники имеют все основные признаки раннеклассовых и созданные ими объединения вполне можно считать государственными образованиями.

Во-вторых, что касается самих кочевников, их государственные образования в I тысячелетии до н.е. возникают практически на той же основе, что и в более позднее время. Как нам кажется, процесс зарождения государственности имел, на наш взгляд, 4 основных направления: 1) IV-I тыс. до н.е. – возникновение и развитие культуры прототюрков; 2) VIII-III, II вв. до н.е. – культура Турана; 3) III, II вв. до н.е. – IV – V н.е. – эпоха культуры хуннов и гуннов; V-VIII вв. н.е. – эпоха культуры как тюркитов (**5, с. 19**). При изучении всей истории тюркских народов можно сказать о том, что государственность у тюрков была и остается одним из важных факторов. Таким образом, актуальность выбранной нами темы характеризуется огромной ролью тюрков в мировой истории на всем протяжении их существования.

Источниковедческая база. Переходя к источниковедческому обзору исследуемой нами проблемы, отметим следующее. По степени значимости источники можно разделить на три основные группы. Первая группа источников – это вещественный корпус орхоно-енисейских надписей, памятники древнетюркской письменности, где нами дана собственная интерпретация этой группы источников в деле изучения государственности у тюрков. Второй тип источников это произведение древнекитайских авторов. Выражаем сожаление по поводу того, что мы не имели возможности использовать оригинал, а вынуждены были пользоваться переводом этих текстов в трудах Н.Я.Бичурина (Иакинфа) (**16; 17**), и В.С.Таскина (**104; 105**). Наконец, отметим особой важный источник, который ныне не

популярен - это классический труд Ф. Энгельса «Происхождение семьи, частной собственности и государства» .(119)

За последние столетия в исторической, археологической и этнографической литературе создано большое количество работ различного содержания и характера, посвященные так ли иначе истории тюркских народов. Это, прежде всего, труды универсального содержания, посвященные кочевым народам, в том числе и тюркским, их социально-экономической и политической истории (82; 72; 106; 108; 87; 88; 79; 40; 91; 92). Ряд вопросов исследуемой нами проблемы стал предметом изучения в капитальных трудах по истории отдельных Советских республик, а также краев и областей. (62; 63; 90; 91)

Особую роль в раскрытии узловых вопросов рассматриваемой нами проблемы принадлежит «пионерам» тюркологии В.В.Радлову (98; 99), Н.А. Аристову (7) и К. Иностранцеву (59). Огромное значение для нашей темы имеют статьи и крупные работы таких видных историков - тюркологов, как А.Н.Бернштам (18; 19; 20; 21; 22; 23; 24; 25; 26; 27), Л.Н Гумилев (42; 43; 44; 45; 46; 48), С.М. Абрамзон (1; 2; 3; 4) и С.И. Руденко (101; 102).

Представленный в их трудах материал уникален по своей сути и его использование дало нам возможность на конкретных примерах раскрыть процесс возникновения государственности. Отдельные стороны изучаемой нами темы были освещены в диссертационных работах М.А.Никитиной, М.П. Денисовой (49) и Б.Ф. Железчикова (54). Вопросы военной организации нашли свое отражение в работах Ю.С. Худякова (114; 115) («Вооружение Центрально- Азиатских кочевников в эпоху раннего и развитого средневековья» и «Вооружение енисейских киргизов VI-XII»). Большим подспорьем стал труд видного турецкого историка Бахеддина Огеля (12), посвященный истории «Великой гуннской империи». Новый взгляд на различные аспекты истории тюрков нашел свое отражение в работе Мурада Аджи «Европа, тюрки, Великая степь».

Завершая историографический обзор, отметим, что для большинства советских историков, за исключением некоторых, был свойственен односторонний, фрагментарный, описательный подход к истории кочевников- тюрков. Авторы не могли оторваться от желания «включить» историю государственности тюрков в марксистско-ленинскую позицию в этом вопросе. Поэтому отчасти практическая значимость материала, приведенная авторами в силу этого постулата и ее привязанность к коммунистической идеологии, сводилась на нет.

Цель и задачи исследования. Актуальность темы и ее недостаточная изученность в историографии послужили целью данного исследования: главной целью данной работы будет попытка, опираясь на корпус вещественных и письменных исторических источников, достижения исторической науки, дать комплексный анализ основных аспектов возникновения и развития государственности у тюрков. Исходя из главной цели нами ставятся следующие задачи:

- сделать попытку детального рассмотрения родоплеменной организации у тюркских народов, провести исторические параллели на базе данных сравнительной этнографии;
- показать составные части и структуру собственной « модели» родовой – племенной организации у древних тюрков;
- проанализировать на конкретных примерах процесс становления ранних форм структуры управления;
- раскрыть содержание «модели» управления в тюркских государствах, роль верховной власти, законодательства на начальном этапе его возникновения, военной системы и прочие аспекты государственности.

ГЛАВА I

РОДОВАЯ – ПЛЕМЕННАЯ ОРГАНИЗАЦИЯ У ТЮРКОВ

Процесс возникновения тюркской государственности напрямую был связан с формированием и развитием Родоплеменной организации. Она являлась, по нашему мнению, тем фундаментом, на котором впоследствии возникли зачатки государственных институтов. Сама по себе родовая – племенная организация с появлением государства не только не исчезла, но и, приобщаясь к новым условиям, становится более прочной общественной структурой. В этой связи лейтмотивом для нас будет детальное исследование родовых – племенных единиц разного таксономического порядка.

Как неоднократно отмечалось различными исследованиями, условием для нормального функционирования любого кочевого общества необходимо наличие развитой и многоступенчатой родоплеменной структуры (**111; 112; 113**). Следует отметить, что практически во всех тюркских обществах, начиная с древности, вплоть до начала XX в. родоплеменной строй являлся необходимым атрибутом при формировании государственного устройства. Этим и объясняется сходство между, казалось бы, различными государственными образованиями: от хуннов до казахских *жузов*. Хотя сам тип родоплеменной структуры может не является общим даже для одного народа. Объясняется это неравномерным расселением в различных районах и обуславливается многими социально-экономическими и политическими факторами (**1, с. 190**). Данное утверждение идет в разрез с точкой зрения Л. Крэдера, который изучая социальную организацию тюрко-монгольских кочевников, пришел к заключению, что «принципы единые, существуют вариации в деталях (**112, с. 265**)». Согласно этому можно предположить, что

практически у всех евразийских кочевников формы социальной организации демонстрируют значительное сходство, опираясь на родовые - племенные структуру (112, с. 129). Необходимо подчеркнуть, что «родовые – племенные пережитки» в действительности были явлением, свойственным хозяйственной и общественной организации кочевничества (87, с. 69). Сохранение родового строя дает возможность господствующему классу держать в своей власти сородичей, и в форме уклада пережитка существовать в новом общественном образовании (20, с. 160-161). Рассматривая вопрос, касающийся сходство между различными общественными структурами у тюрков, мы видим поразительное явление, когда государство может появляться при наличии весьма еще сильных родовых - племенных отношений, как, например, у киргизов (3, с. 16). Родовой строй может так же искусственно сохраняться, как это было у хуннов. На основе данного строя было осуществлено деление всех хуннских племен, организация войска и т.д. (22, с. 54). Пережитки родового строя еще бытовали среди кочевников Семиречья. Об этом свидетельствуют сообщения китайских хроник о структуре Усуньского общества, где по родовому принципу была построена военная организация и существовала выборность вождей (27, с. 67). Одновременно существование государства и родового строя, мы находим не только у кочевников – тюрков, но также, например, в Шотландии, где гибель родового строя наметилась только ко II половине XVIII в. (119, с. 154)

Старая родов – племенная организация может трансформироваться в своем непосредственном виде не на новые административные образования, самым переносе внешние признаки родовой организации на государственные структуры, примером служат тувинцы (50, с. 59). Перечисленные данные дают возможность говорить о том, что родовая – племенная организация являлась качественной характеристикой возникновения государства.

Основной сохранения общиной организации и родового строя является кочевое скотоводство и искусственное орошения (25, с. 7). Переход от комплексного хозяйства к пастушескому, полу кочевому или к кочевому скотоводству, у оседлых племен начинается в I тысячелетии до н.е. на огромных просторах Евразийских степей (91, с. 29). Предпосылками к этому переходу были: географическая среда, видовой состав стада, частная собственность на скот (54, с. 9). В результате перехода к прогрессивному – кочевому и полукочевому скотоводству, происходили изменения и в общественных отношениях (91, с. 29). В этот период «сформировались те черты хозяйства, культуры и социальной организации кочевников, которые почти без изменений дожили до этнографической современности (31, с. 288). Данный процесс, когда пастушеские племена «выделились у остальной массы варваров». Ф. Энгельс охарактеризовал как «первое крупное общественное разделение труда», что сделало впервые возможным регулярный обмен. Основным предметом обмена был скот: «Скот сделался товаром» (119, с. 184-185).

Большую роль в социально - экономической жизни кочевников стал играть факт перехода стад в частную собственность, что создало «основу для появления антагонистических классов» (56, с. 73). Таким образом, с уверенностью можно говорить о том, что переход к кочевому скотоводству знаменовал собой «рост производительных сил на ранних ступенях истории человеческого общества. Кочевое скотоводство позволило освоить для обитания и хозяйственной Деятельности людей огромное пространства, раннее пустынные, и поставило их на службу человеку». (97, с. 74)

В кочевых обществах оформление родовой – племенной власти идет гораздо более быстрыми темпами, нежели в земледельческих. Следует заметить то, что не одно тюркское общество с момента появления его на исторической арене не было полностью кочевым. Свидетельством этому служат

результаты раскопок у гуннов, которые доказывают существование развитого скотоводства и широкое распространение у них земледелия ремесел: косторезное и ювелирное, а также плавку железа (89, с. 72). Прогрессивным в общественном отношении можно также считать переход части населения тюрков – кочевников к оседлому образу жизни (18, с. 272), что приводило к внеэкономическому принуждению бедняков, которые прикреплялись к возделанным клочкам земли, а пастбища переходили в руки богачей – аристократов (95, с. 183).

Определение экономического фактора как базы развития родоплеменной организации а период возникновения государственности, не вызывает сомнения. Как уже отмечалась выше, переход к номадизму являл собой прогресс, как в экономическом, так и в общественном отношении на всем пространстве Евразии, а «сохранение родовых обычаев и традиций способствовал сам кочевой образ жизни (79, с. 99). Кроме экономического фактора большую роль в прочном положении родовой – племенной организации у тюрков играли кровно - родственные связи. Данные отношения родства не утрачивали своей социальной значимости, и на последнем этапе существования первобытного общества, ни в раннеклассовом обществе, ни даже условиях сложившегося феодализма (77, с. 353).

Таким образом, непосредственным ключом к детальному изучению родоплеменной организации является исследование социальных ячеек тюркского общества: семьи, рода и племени.

1.1. СЕМЬЯ

Первым и низшим таксономическим звеном в системе родоплеменной организации является семья. Данная первичная социальная ячейка общества обладает известной самостоятельностью и функционирует в тесной связи с ними. Все члены семьи взаимосвязаны друг с другом браком или кровным

родством (8, с. 150). Существование семьи прослеживается на всем протяжении развития истории социальной организации. Семья присуща как первобытному, так и традиционному обществу, не является она исключением и у скотоводческих народов (112, с. 100). У кочевников семья, с ее естественными связями, служит основой для образования общественных структур (99, с. 68). Возникновение патриархальных семей шло параллельно с процессом разложения первобытно-общинных отношений протекал в форме патриархата, то в мотыжных-земледельческих – позднее матриархата (70, с. 29-30). Результатом ниспровержения материнского права и введением отцовского было выдвижение на главную роль мужского труда не только в обществе, но и семье (97, с. 74). Но данное состояние, когда первобытно-общинный строй распадается, не обязательно ведет к замене материнского рода патриархальным. И патриархальный род, и позднее материнский род могут существовать параллельно, так как для них свойственны общие закономерности: зарождение форм эксплуатации, развитие частной собственности и, на наш взгляд, наиболее значимое обособление отдельных семей в экономическом отношении (40, с. 55). Таким образом, патриархальная семья, будучи мельчайшей экономической единицей, вбирала в себя хозяйственную деятельность. (26, с. 76)

Обособление семьи в начале большой или расширенной, которая господствовала у кочевников Евразии вплоть до новейшего времени (84, с. 74), а затем малой и моногамной происходило в результате первого крупного общественного разделения труда, возникновением металлургии меди и бронзы, что влияло на появление личной, а затем семейной собственности (64, с. 215). Формирование частнособственнического начала вело к вызреванию и дифференциации в составе большой семьи, новой общественной формы – малой семьи (76, с. 16). Малая семья у всех известных этнографии кочевых народов сосуществовало с расширенными семьями (112, с. 74).

Так, например, у узбеков – карлуков Южного Таджикистана преобладание расширенных семей свойственно тем из них, кто занимается земледелием, у тех, кто вел полукочевой образ жизни, преобладало малое (**112, с. 76**). Постепенный переход к моногамной семье, которая становясь в период цивилизации хозяйственной ячейкой общества (**30, с. 97**). На появление моногамии, малой семьи ограниченно расширенного типа оказывает большое влияние господствующая система хозяйства. В период появления зачатков государственности отдельные семьи становятся собственниками пахотных земель, а также зимовок, летовок и скота. Этот переход в полную частную собственность семьи хозяйственных рычагов совершается постепенно и параллельно с переходом парного брака в моногамия (**43, с. 73-75**), а, следовательно, в государство.

Таким образом, являясь наиболее универсальной социально – бытовой ячейкой общества, семья проходит сквозь ряд до классовых и раннеклассовых формаций. А с усложнением и укреплением социальной структуры и социальных организмов расчленение, в результате чего семейно - бытовые структуры укрепляются. Семья как более стабильный организм не утрачивает производственный аспект, играет важное значение в обеспечении всего общества жизненными средствами. (**116, с. 113-114**)

Кочевая семья, несомненно, олицетворяла все принципы социальной организации, основанной на кровных связях. Семья, являясь устойчивой социальной формой организации кочевого общества, его мельчайшей хозяйственной единицей, становилась центром всей родовой – племенной структуры древнетюркского общества. В рамках патриархально – родовой общины малая семья приобретает все большее значения (**65, с. 134**). А начиная с I тысячелетия до н.е. у большинства центрально – азиатских племен уже утвердилась отцовская форма рода (**72, с. 487**). Так, например, семейная организация хунну к моменту первых упоминаний о них, представляла собой форму стоящей на конечной стадии родового строя (**72, с. 323**), т.е.

происходил процесс смены материнского права отцовским и появлением патриархальной семьи. Возникновение патриархальной семьи ведет свое начало с Карасукского времени (1200 – 700 г. До н.е.). Данная эпоха знаменуется переходом от матриархата к патриархату, интенсивным разложением перво-бытнообщинных отношений, зарождением классового общества и укреплением патриархальной семейной общины **(1, с. 27)**, во главе с патриархом – отцом. Хотя даже в эпоху Модэ существовали сильные пережитки матриархата. Пережитки материнского рода зафиксированы у подавляющего большинства патриархальных племен **(29, с. 26)**.

Свидетельством данного пережитка у хуннов может служить – левират (Левират – от латинского «левир» - деверь. Обычай, по которому вдова обязана имеет права выйти за брата своего мужа), являющийся универсальным социальным институтом в прошлом **(15, с. 370)**. Так, китайские источники сообщают следующее: «По смерти отца женятся на мачке; по смерти братьев женятся на невестках» **(17, с. 40)**. В конкретном случае левират имеет экономический смысл, оставить имущество жены и потомства в пределах данного рода после смерти мужа **(22, с. 54)**. Существование левирата было строго обязательным также и у узбеков **(71, с. 21)** хорошо известен он и у древних монголов **(35, с. 47)**. Таким образом, во всех перечисленных обществах, от хуннов до узбеков, сохранению левирата способствует стремление оставить принадлежавшее женщине имущество в пределах семьи **(26, с. 94)**. Огромный интерес представляют для нас данные о сохранении у тюрков счета родства по материнской линии **(72, с. 494)**. По сообщению источников, «...Дом Ойхоров (Хойху) происходит от гуннов с женской стороны: следовательно, нет сомнений в том, что основатель Дома Ойхоров (Хойху) был сын дочери или племянницы хуннского хана...» **(17, с. 213)**. Еще одним подтверждением того, что матриархат не изжил себя в полной мере у тюрков, мы находим в китайских известиях, которые

утверждают, что «... муж прибывает служить в семье жены, управляет имуществом, кормит мужчин, затем возвращается (82, с. 38-39). Отражение счета родства по материнской линии мы находим в генеалогических преданных у киргизов, казахов, каракалпаков и туркмен. До недавнего времени некоторые группы киргизов вели свою родовую принадлежность от предка – женщины (1, с. 222). Но определяющей формой отношений в семье являлся патриархат. Патриархальная семья у тюрков имела одну из своих особенностей, также полигамию. Подтверждение о существовании у тюрков полигамного брака мы встречаем в надписи Элегет, где говорится о том, что «...ставка хана состояла не из одного дома, из нескольких (26, с.94). В многоженстве или полигамно – локальной форме рака преобладает стремление обеспечить дополнительно рабочей силой семейной хозяйство (74, с. 226). Постепенно происходит процессы создания у тюрков малой семьи.

Преобладание малой семьи встречается наряду с большой семьей, а иногда в ее недрах, где порядок наследования велся не только от брата к брату, но и от отца к сыну (15, с. 370-371). У башкир малая индивидуальная семья заменяла большую патриархальную (8, с. 155). У кочевников горной-степной зоны Южной Сибири в конце XIX – начале XX в. Также низшим звеном хозяйственной и социальной структуры был аул (аил), состоящий обычно из родственников. Аулом считалась группа, состоящая либо из одной юрты, либо группа совместно кочующих хозяйств. Аул мог состоять не только из близких родственников, образывавших кочевую семейно – родственную общину, но также и включать в свой состав богатую семью и нескольких зависимых, обслуживавших ее (49, с. 8-9). В связи развитием имущественного неравенства в патриархальной семье рядом с малой моногамной семьей могла существовать и неразделенная семья, состоявшая из трех – четырех поколений, включавшая в свой состав несколько брачных пар, как это было, например, у томских татар. (109, с. 56-57)

Таким образом, можно заключить, что патриархальная семья в кочевых и полукочевых тюркских обществах была вполне закономерным явлением. На практике является неоспоримым то, что такие патриархальные семьи весьма близко напоминали семейные общины (1, с. 194). Каждая из таких кочевых семейных общин состояла из нескольких малых семей, связанных родством по отцовской линии (1, с. 196). Появившись на поздней ступени родового строя, семейная община сохраняется в классовом обществе. В отличие от моногамной семьи преобладала общая собственность, как на основные средства производства, так и на остальное имущество (108, с. 191). Семейная община или большая семья является исторической общественной формой, представляющей собой основную ячейку первобытно общинного строя. Практически у всех народов в прошлом была свойственная данная форма общественной организации, подтверждает ее универсальность (76, с. 3-5). Естественно предположит, что семейная община в своем развитии прошла несколько этапов. На начальном этапе она состояла из четырех – пяти поколений родственников по мужской линии. В ней преобладала коллективная собственность на средства и продукты производства, равенства всех взрослых членов общины (64, с. 130). Характеризуя семейную общину на раннем этапе истории, можно сказать, что ей были свойственны: единство, общее согласие, первобытный демократизм внутренних отношений и управления и т.д. (76, с. 11). Постепенно семейная община приобретает признаки, свойственные классовому обществу. Возникает частная собственность, а отдельные семьи все более обособляются внутри семейной общины (2, с. 35). Начало развития данной тенденции связано, с одной стороны, желанием главы семьи экспроприровать все семейное имущество, с другой, остальная часть взрослого мужского населения стремится расширить свое отдельное имущество и создать из него свою частную собственность (76, с. 20). Естественно, что такие патриархаль-

но – семейные общины, стремясь к обособлению, приводят этим первобытнообщинный строй к разложению (64, с. 131). Особенность отличия общины кочевников от общины оседлых состояло в том, что первые, развиваясь из мелких родственных групп, были связаны кровным родством и обычаям родственных отношений (1, с. 214-215). Единство, основанное на кровном родстве, укрепляет социальные связи внутри общества. Здесь личные интересы подчиняются интересам общественным (58, с. 64). Так, бронзовые литые «гуннские» котлы несли в себе смысловую нагрузку, были « символами единства» – единства патриархальных семей – кошей, из которых состояло общество гуннов (96, с. 22). Наличие родства между семьями, входившими в кочующую группу, постепенно формирует общественную организацию скотоводство, которую называют «общинно – кочевой» (87, с. 311). Кочевая община, состоявшая из малых и больших кочевых семей, становится структурной ячейкой кочевнической племенной организации (88, с. 312). По данным источников у тюрков « в каждой семье может быть от пятисот до тысячи человек, которые имели общий дом, одну кровать и одеяло. Женщины и мужчины жили вместе, их нравы весьма свободны». Вышеизложенный текст дает основание говорить о существовании у тюрков, а VIII - IX веках патриархально – семейной общины (81, с. 26; 79, с. 53). У тюркских народов Средней Азии, Сибири, Урала и Поволжья мы также находим большие семейные коллективы, возглавляемые представителем старшего поколения (15, с. 370), Аналогичные большие семейные общины, охватывающие несколько поколений, существовали и в поселениях германцев «во времена Рима». (119, с. 163)

Община по пути сути может существовать бесконечно долго, до тех пор, пока все члены данной структуры общества равномерно обеспечены средствами производства (84, с. 90). Сама кочевая община может совпадать полностью с семейно – родственной группой, которая была и формой семейной

организации, и простейшим производственным объединением (2, с. 67). Семейно – родственная группа обычно состоит из отца и отделившихся от него сыновей, братьев или других ближайших родственников (112, с. 100-101). Поэтому данные семейно – родственные группы в социально-экономическом отношении выглядят тесно спаянными. У казахов, киргизов, туркмен данные группы состоят из семей, ведущих индивидуально хозяйство. Связаны они происхождением от одного предка в третьем-четвертом поколении, будучи не только пережитком патриархальных семейных общин, но и формой родовой – племенной организации. (4, с. 3-4)

Таким образом, на основании имеющегося у нас материала о тюркской семье и кочевой семейной общине можно сделать следующие выводы: *во-первых*, с утверждением преобладающего значения отцовского права над материнский происходила смена формы, парной семьи патриархальной семьей, а впоследствии моногамной; *во-вторых*, практически у подавляющего большинства тюркских народов в период существования патриархата имело место параллельное сосуществование пережитков материнского права. Подтверждением выше указанного может служить левират, который базировался на желании сохранения имущества женщины в конкретной семье; *в-третьих*, наряду с формированием малой семьи расширенного типа мы находим также и полигамию. Полигамно – локальный брак заменяет собой парную семью; *в-четвертых*, в основе патриархальной семьи у тюрков лежала малая или индивидуальная семья. Совместно с малой семьей имело место и существование большой семьи; *в-пятых*, структурную основу тюркского общества составляла также кочевая семейная община, которая ввиду внутриэкономических процессов становится тем «прокрустовым ложем», в котором уже не помещается первобытнообщинный строй. Состоявшая из малых и больших семей кочевая семейная община у тюрков становится основной ячейкой племенной организации; *в-шестых*, одновременно с

кочевой семейной общиной может также совпадать семейно – родственная группа, которая является не только одной из хозяйственных единиц общества, но и составляет основу родовой – племенной организации. И, наконец, является неоспоримым то, что и семья, и кочевая семейная община, а также семейно – родственная группа становится определяющими формами при формировании родовой – племенной организации у тюрков, что является естественным и закономерным процессом.

1.2. РОД

Следующей после семьи наиболее крупной формой родоплеменной организации является род. У сотен племен данная общественная форма наблюдалась не теоретически, а непосредственно (29, с. 14). Считается, что род со своими четко определенными границами представляет целостную структуру. Оставаясь в рамках более крупного образования, того как племя, в его пределах образует автономную подструктуру. Находясь между двумя различными таксономическими единицами, семьей и племенем, род не всегда терминологически можно отделить от других подразделений (112, с. 105). Сам по себе род, формируясь из родственников по мужской линии, вошел в историю под названием патриархальной. Данный процесс формирования родового строя произошел в эпоху бронзы (65, с. 132). Он становится той основой первобытного общества, при котором коллектив совместно живет и совместно трудится, где субъектом собственности на скот и землю является сам род (29, с. 23). Таким образом, род постепенно становится институтом, регулирующим социальную жизнь (30, с. 94). При этом род можно охарактеризовать как основную исходную ячейку доклассового общества (61, с. 7), который возникнув «на средней ступени дикости и продолжая развиваться на высшей ее ступени, род достигает своего расц-

вета на низшей ступени варварства (119, с. 182). В отличие от оседло-земледельческих народов, род у кочевников претерпел сильные изменения, отразившиеся на его составе с ранних исторических времен. Процессы, протекавшие в степях Европы и Азии начиная с середины I тысячелетия до н.е. и до начала XIII в. Не могли сохранять род долго, как кровнородственную организацию, свойственную первобытнообщинному строю. Причиной этому служило бурное развитие кочевого скотоводства (97, с. 79). Как и у земледельцев сородичами в первую очередь считались у кочевников лица по линии мужского поколения, по закону отцовского рода (26, с. 68). Здесь патриархальный род является формой кочевой общины (25, с. 6-8), а отделение родовых отношений от экономических представляется большой трудностью (23, с. 86). Единство рода у кочевников основывалось на общих хозяйственных, военных, политических и иных интересах, а также на совместном использовании пастбищ (87, с. 141). Как известно, родственные принципы Кочевников, охватывающие всю общественную структуру, выступают как лишь она из частей на вертикальной шкале. Род кочевников может быть как экзогамным, так и эндогамным, а также агамным. Экзогамия в нем претерпевает существенное изменение. Род как таковой у кочевых народов практически всегда выступал как совокупность отдельных семей (112, с. 105-106). Родовые связи у кочевников были настолько сильны, что кочевник не может уйти из своего рода, оставив его, он сам становится вне закона (9, с. 98). Таким образом, отцовский род у скотоводческих народов, как и патриархальная семья, являлся переходной формой развития общества. Патриархальный род в своей основе отражает процесс зарождения и развития не только производственных отношений нового типа, но и возникающих на новом уровне развития производительных сил (2, с. 65). Усилению одного рода способствовали как естественно-географические, так и внешнеполитические факторы. Тем самым в хозяйственном политическом отноше-

нии окрепший род подчиняет себе более слабый. Такой род объявляет себя аристократическим, связывая свое происхождение с агатной группой (30, с. 154). Процесс развития отцовского рода у кочевников можно проследить от ранних этапов истории общественной организации через все классовое общество.

У тюрков только сильный, многочисленный, дружный род имел наибольшую возможность занимать самые удобные пастбища. Многочисленность тюркского рода давала ему силу, но в то же самое время она не позволяла ему на долгое время сохранять свою целостность, что вызывало рано или поздно деление рола на самостоятельно части. Вследствие чего внутри каждого рола происходили процессы, связанные, с одной стороны, желанием упрочнения родового единства, с другой – стремления к разделению (7, с. 9-10). Сам родовой строй был основой «политического» устройства тюрков (26, с. 100). Род не только пользовался всеобъемлющим значением в быту тюркских кочевников, но и играл весьма важную роль, а политической истории тюрков. Такое огромное значение рода определялось в первую очередь его прочностью (7, с. 11). Так, уже после создания государства у хуннов, род выступал во «внутренних войнах как монолит» (44, с. 123), род был крепок и отнюдь не разлагался, как в эпоху Модэ, так и впоследствии. Хуннский род был патриархальным, т.е. дети принадлежали к роду отца, а не матери (39, с. 81). На основе рода было построено одно из первых государств у тюрков – Великая Хуннская империя. Первоначально происходила простая консолидация 24 – х родов, создав тем самым так называемую «конфедерацию 24-х Хуннских родов» Постепенно этот союз превращался «в державу» (47, с. 73). Тюркские роды в большинстве своем состояли из подродов (37, с. 39), примером могут служить башкиры, где выделявшиеся под роды образовывали самостоятельные роды. Если в домонгольское время башкиры разделились на 12 основных родов, то к XVIII веку у

них насчитывалось уже 20 групп родов (101, с. 50, 60). У якутов род первоначально состоял из конкретного коллектива близких и дальних родственников, способных получить средства к существованию, равные до 500 голов лошадей. Дробление рода на части происходило по мере того, как численность членов рода начинала превышать данную норму. Низшей родовой единицей у якутов был отчий род (ага - уса) и материнский род (7, с. 59). Постепенно у тюрков происходит формирование аристократического рода, стоявшего во главе общины или племени, тем самым патриархальный род превращается и аристократический (47, с. 47). Так аристократический род киргиз возглавляя государство Енисейских племен (81, с. 31). При восстановлении исторического прошлого тюркских племен и народностей нельзя не учитывать то большое значение, которое приобретает институт аристократического рода (81, с. 64). Знатными родами у хуннов считались: *Хуань*, *Лань* и позднее появляется *Сюйбу* (104, с. 40), по другим данным у хуннов четыре знатных фамилии: *Хуань*, *Бу*, *Лань* и *Цяо*, но род *Хуань* самый знатный (22, с. 222), из данного рода «выбрались» ставшие потом наследственными хуннские *шаньюи* (21, с. 199). Так как хунну подразделялись на родов, то все эти родов подчинялись великому верховному шаньюю из аристократического рода (101, с. 67). В тюркском «эле» аристократическим родом являлся Каганский род Амина (74, с. 221). У уйгуров в VIII-IX вв. таким родом был од *Яглакар* (кит. «иологэ»), возвышавшийся над остальными девятью родами (81, с. 46; 79, 92). Термином «*уруг*» у *огузов* обозначались к родовые подразделения, так и составлявшие знатные роды (фамилий) (64, с. 356). Привилегированное положение знатных родов опиралось не столько на праве руководством племен и общиной, сколько на его обязанности заботиться о благосостоянии сородичей (74, с. 221). Таким образом, являясь пестрой смесью различных племен и родов кочевые империи хунну, тугю, уйгур и киргиз находились под верховенством одного

рода (60, с. 91-92). В условиях развития тюркского общества периода создания государственности, род и сочетание родов, формирующих родовой строй, прекрасно сохранялся и трансформировался в новые государственные структуры. При этом господствующей частью племени родовой строй искусственно поддерживался в целях превращения родовой взаимопомощи в новую форму феодальных отношений. На основе родовых институтов и их учреждений целиком базировалось кочевое скотоводство и организация военного дела, что также способствовало его сохранению. (25, с. 15)

Следующей по своей значимости структурной организацией тюркского общества является родовая община, которая в отличие от кровной более постоянна по своему составу. Ядро родовой общины составляет предковый род, материнский или отцовский (30, с.141). Она состоит из нескольких частей: 1) мужчины, принадлежащие к одному роду и составляющие центральное ядро общины; 2) их сестры и дочери, после вступления в брак уходящие в другие общины; 3) их жены, приходящие из других общин (29, с. 19). Экономическим базисом такой общины являлась общинно – родовая собственность на пастбище и кочевье, а также на скот. Общую собственность составляли и различные виды продукции скотоводства (97, с. 76). В основе ее лежал коллективный труд и совместные родовые жилища (118, с. 19).

Община, совпадая с родовой организацией и являясь ее формой проявления, переплеталась с ней (26, с. 111). Таким образом, организационная структура родовой общины оказалась настолько живучей, что « в течение многих столетий, начиная с глубокой древности (хуннов, усуней, жужаней и т. д.), местами вплоть до начала XX века (у казахов, киргизов), сохранялась родовая форма строения общин (97, с. 78).

Выше перечисленные факты дают возможность утверждать следующее: 1) род, формировавшийся в недрах патриархальной семьи, становился самым крепким звеном обществен-

ного развития; 2) практически большинство тюркских государств формировалось на основе рода; 3) многочисленность рода приводила его к делению на под рода, которые укрепляясь, образовали новые роды; 4) окрепший род берет на себя функции управления всей тюркской общиной. Он является уже по своей сути аристократическим, а свое начало ведет от определенного обожествленного предка, тем самым возникает из определенной агнатной группы; 5) усилившийся аристократический род, заменяя собой патриархальный, видит своей основной функцией обеспечение благополучия своих сородичей; 6) род является также фундаментом родовой общины, которая основываясь на родовых отношениях, прекрасно сосуществовал внутри государственной структуры, с древности до XX века.

Итак, род и родовая община в период созревания первых основ государственности оказывала на нее огромное влияние, а родовые отношения становятся необходимым фактором достаточно долгого существования государства.

1.3. ПЛЕМЯ

Самой крупной и сложной таксономической, единицей было племя. Выступая на переднем плане, данное звено на общинного уровня усложняется и укрепляется, что было довольно типичным явлением для позднего этапа разложения первобытно общинного строя (**68, с. 227**). Само племя, включавшее в себе союз экзогамных родов, которые были объединены общностью происхождения, из чего вытекает такие признаки, как единство названия, языка, обычаев и территорий (**39, с. 61**). Естественно, что при этом племя на долгое время становится базовой формой первичной социально-политической интеграции над общинного типа. Причем под племенем подразумевалось и этническая общность, и политическая структура (**32, с. 22; 78, с. 140**). Племя возникло первоначально как «орган, способный

регулировать внешние и отчасти внутренние отношения определенной группы людей. В основе данной функции регулирования первобытного населения лежит прежде всего то, что племя становится более организованной структурой, которой присуще владение некоторой территорией, а также имеются определенные органы власти и управления. **(39, с. 63).**

В кочевых обществах на всем протяжении развития классовых отношений племя потерпели определенны изменения. Оно прошло через несколько этапов своего развития, которое определялось той степенью экономического развития общества, при которой могут сосуществовать родовое – племенные отношения, с зарождающимися классовыми. В эпоху, когда племенная организация становится формой и содержанием ранних ступеней военной демократии завершается процесс сложения племени нового типа. Племя постепенно в период вызревания раннефеодальных отношений становится не только звеном классовой организации, но и уже сложившейся военной – административной **(2, с. 68-69)**. У кочевников в состав племени входили разросшиеся роды, от которых отделялись ряд дочерних родов, имеющие ряд подразделений **(3, с. 47-48)**. Таким образом, можно с уверенностью говорить о том, что существовала определенных общественных отношений у кочевников. Каждое племя, состоящее из родовых подразделений, имевших многоступенчатую структуру, обладало определенными функциями: административно – политической, военной, фискальной – податной **(112, с. 120-122)**. Племя можно охарактеризовать как категорию, находившуюся в движении и развитии, свойственной конкретной социально – экономической историей, того или иного кочевого общества **(2, с. 72-73)**. Естественно, что находясь в постоянном движении и развитии, племена образуют союзы племен. Основой данного процесса может служить общность социально – экономических интересов, которые формируют племенные объединения. По мере усиления социально – экономических противоречий в пле-

менной организации и выполнением племенным союзом функций политического характера приводит к трансформации племенного союза, зарождающегося государственного образования. (38, с. 66, 69).

В тюркском общества, как и в любом другом, племя, являясь продуктом исторического развития, формируется из определенного числа под племена. Племя образует здесь общественное целое, обязанное защищать интересы своих сочленов, от посягательств соседних племен (99, с. 70-71). Так, хунны были единым племенем, разделенным на роды, которые в свою очередь, имея внутреннюю прочную родовую организацию, не позволяет деление на племена, мы находим в Орхон - Енисейских памятниках. В малой надписи в честь *Кюль-Тегина* говорится: «... (вы), союзные мои племена и народы», а в Енисейском памятнике в честь *Эль-Туган-Тутука* утверждается следующее: «...Я был посланником божественному государству. Я был начальником шести составному народу» (85, с. 33, 78). Тюркского общества характеризуется как «корпорация господствующей част племен, в которой четко выделяются отдельные племена (24, с. 77). Само слово «тюрк» является ничем иным, как названием племени, причем обозначает объединения господствующей части - племенной знати племен (25, с. 14). У тюрков также прослеживается тенденция к замене патриархальных родов племенами. Практически все тюркские племена состоят из нескольких родов (37, с. 24). Переоформление родов в племена происходит только в том случае, если нарушается родовая патриархальная система родства и на месте старых родов возникают новые объединения. Если *гаогюйцы*, предки *телесцев*, разделялись на 12 родов, то сами телесцы уже составляли 15 племен, где данные племена являлись территориально-хозяйственными объединениями (43, с. 62). Тюркам свойственно превращение племенного имени в этническое с собирательным значением, примером может служить слово «Огуз», которое первоначально могла значить просто «пле-

мена», «объединение племен» (43, с. 62). Если рассматривать развитие тюркского общества с позиций политической классификации, то можно сказать, что «не было ни племени хуннского, турецкого, мадьярского, а существовали только политические соединения, носившие их имена (60, с. 13-14). Но нам кажется, что одной из основных черт истории развития государственности у тюркских кочевников зависело от усиления одного из племен (7, с. 10).

Впоследствии из-за увеличения плотности населения племена были вынуждены к более тесному сплочению. «Союз родственных племен становится повсюду необходимостью, а вскоре делается необходимым даже и слияние их и тем самым слияние отдельных племенных территорий в одну общую территорию всего народа» (119, с. 189). Племенные союзы тем самым были новым и высшим типом социальной общности (64, с. 217). Такие союзы у скотоводов существовали еще в эпоху бронзы, постепенно перерастали в общество с определенной центральной властью (65, с. 143). Каждую такую племенную группу связывала идеология генеалогической общности, реальной экономической базой которой было право собственности как на коренные, так и на завоеванные земли. (74, с. 221)

Одни из своеобразных объединений государственного типа у тюрков представляла собой « орда». Орды образовывались из племен, колен. Данная политическая единица была опорой всего народа (99, с. 72). В орду входили: ставка хана с воинами, их женами, детьми и слугами. Каждый вельможа имел свою орду с офицерами и солдатами (42, с. 192). Примером такой организации, как орда, может служить тюркского «стрела», в которую могло входить несколько племен, а основу его составляло 10.000-ной конное войска – тумен, «десять стрел» - образовывали государство (36, с. 132). Орда являлась структурной основой «союза орд», которые были зародышами государства. Такой крупной единицей общественной организации у казахов были орды – жузы. Они, в свою очередь, распа-

дались на племена, колена, роды, которые составляли аймаки (87, с. 140). Орда олицетворяла собой еще одно звено на промежуточном этапе возникновения государственности. Орда становится основной при формировании государства, только в случае превращения ее в единое войско (76, с. 250). В отдельных случаях орда совпадает с племенем, где племя является не социально – политическим образованием, а военное – административным. Постепенно племенные союзы тюркского общества трансформировались а «эль». С.В.Киселев считал, что термин «эль» имеет два содержания: первое, эль олицетворяет всю аристократию; второе, эль – это лишь локальная группа знатных родственников (80, с. 92). А.Н.Бернштам считал «эль» примитивной формой государственного устройства и что в его входят главным образом тюркские племена. С элем он связывает законы и обычаи (26, с. 102). «эль», по его мнению, являясь организационной формой государства, берущее свое начало с союза племен, постепенно перестает представлять равноправный союз (20, с. 168). Тем самым, по А.Н.Бернштаму, можно составить следующую формулу «эля»: «Союз племен – эль – превращается в государство, в организацию господствующего класса» (25, с. 18), «тюркский эль – это государство народа...» (26, с. 143). Возникновению «эля» способствовало обогащение племени и особенно господствующей его части, поднимающуюся над остальной массой народа (19, с. 878). На наш взгляд, «эль» представлял собой наиболее универсальную форму государственности кочевых народов на тот период. Эль являл собой высшую и самую приемлемую организацию государства.

Необходимо четкое понимание процессов возникновения государственности у тюрков, связанной с племенной структурой. На основании имеющегося фактического материала можно сказать следующее: *во-первых*, племя у тюрков представляло собой как этническую (родственные племена, связанные единой генеалогией), так и социально – политическую организацию; *во-вторых*, племена, состоящие из родов, постепенно

расширяясь, соединялись союз племен; *в-третьих*, для тюрков было характерно формирование племен, основанных на военной структуре, таким «племенем» являлась орда; *в-четвертых*, как союз племен, так и союз орд представляли собой первичные государственные образования, *в-пятых*, на основе союзов родов под главенством одного племени образовалось государство гуннов; *в-шестых*, у тюрков первым государственным образованием был эль, который трансформировался в структуру государства через союз племен.

Процесс возникновения государственности через родовая – племенная организация можно проследить через данную схему: Семья – Семейная община – Семейно-родственная группа – Род – Родовая Община – (Племя – Племенной союз – Орда – Союз орд) = Эль = Государство.

Данная схематичность прослеживается практически у большинства тюркских народов. Первостепенным и особенно значимым при возникновении государства у тюрков представляет собой постепенный переход таксономических звеньев родоплеменной организации в государство.

ГЛАВА II

РАННИЕ ФОРМЫ СТРУКТУРЫ УПРАВЛЕНИЯ

Вторым, не менее значимым вопросом в рамках изучения процессов сложения государственности у тюрков, является проблема становления и развития ранних форм управления. Зарождение публичной власти у тюрков, т.е. появление до государственных институтов, таких как: вождь – старейшина, совет племени, народное собрание, и плавный переход ее в государственные органы, есть основа исследования данной главы. Необходимо проследить процесс замены выборности наследованием – института вождейства. Изучению подлежит также роль войны военной организации и ее влияние на ранние формы структуры управления.

С усложнением общественной организации требовалось создание особых органов управления племени, а затем и союзом племен. Условно политогенез шел по трем основным путям развития: аристократическому, плутократическому и военному **(68, с. 130)**. Решающее значение в формировании органов государственной власти состоит в возвышении и противопоставлении публичной власти всему обществу. В период перехода от первобытнообщинного строя к государственному устройству образуются различные вещественные придатки публичной власти, такие, как принудительные учреждения, неизвестные до этого родовому строю **(61, с. 17)**.

Со времени возникновения племенных органов управления появляется и племенная аристократия. Возникает своеобразная триада: верховный вождь – совет старейшин – народное собрание. Но даже при появлении органов управления данная триада еще крепко связана с родоплеменной организацией **(113, с. 152-153)**. Безусловно, что и верховный вождь, и совет старейшин выражали интересы родовой – племенной аристок-

ратии. Что не мешало им служить на благо всего общества (111, с. 96). Основной функцией управленческих структур была регуляция отношений внутри коллектива, а также с внешним миром (39, с. 66). При этом для нормального существования таких крупных структур как племя и племенной союз важнейшим условием являлась сильная центральная власть (32, с. 36). Сама по себе «власть – это форма социальных отношений, способная влиять на характер и направления деятельности людей, социальной группы и классов посредством политических, экономических, идеологических, организационно-правовых институтов, а также с помощью авторитета, традиций, насилия» (28, с. 47). Несомненно, наиболее значимым во всех отношениях при становлении государства служит процесс, когда органы родового строя - совет, старейшины, экономические организации рода, становятся на службу господствующему классу, узурпировавшему власть. Пользуясь своим положением, вожди постепенно узаконивают свое избрание, сменяя выборность наследственностью (20, с. 161). По мере изменения характера власти она превращается из общественной и государственной (75, с. 619). Таким образом, вождь, совет родовых старейшин, народное собрание – это наиболее развитая организация управления, которая могла существовать в родовом строе. Если общество выходило за рамки этой организации управления, то « наступал конец родовому строю, он разрушался, его место заступало государство» (119, с. 167).

Одним из главных вопросов истории возникновения тюркской государственности является роль в нем сильной личности. Упрочнение позиций данного лидера у тюрков в процессе создания государственности имела огромное значение. Как нам кажется, «...только через влияние определенных личностей (вождей племени), образуются из совсем маленьких начал в кратчайшее время мощные племенные комплекты, только крепкая рука хана в состоянии держать в покое и боевой готовности государство кочевников..» (26, с. 24-25). Естественно,

что при этом авторитарная власть вождя начинает представлять собой залог цементированности общности и ослабевают тенденции в автономии (32, с. 37). Вокруг такой личности, единовластного лидера, группируется все большее число непосредственно подчиненных ему должностных лиц (39, с. 75). Задача такого лидера, его роль в обществе определялась в первую очередь теми условиями, в которых ему приходилось осуществлять свою деятельность, а функции лидера во многом зависели от того, выразителем чьих интересов, каких социальных сил и организаций он являлся. Непосредственно власть лидера еще не была основана на принуждении и была еще достаточно зыбка. Носителю ее нужно постоянно поддерживать свой престиж статус. Выявлению личных достоинств способствовала так называемая система социально – возрастных рангов. Положение вождя постепенно становится прибыльным. Если первоначально их выбирали из разных родов по их личным качествам, то со временем более сильные и сплоченные роды начинают выдвигать вождей только из своей среды (34, с. 571). Как уже отмечалось, в начале власть у тюркских вождей – военачальников, была невелика. Здесь, как и у германцев, вожди избирались исключительно по собственностям, «они должны были влиять своим примером (119, с. 165). Фундаментом власти лидера, его экономической основой был контроль над ресурсами и производственным процессом (32, с. 41). У тюрков «во главе племени стояли храбрые, умные и счастливые в своих предприятиях родоначальники, успевшие подчинить своему влиянию роды своего племени и покорить остальные племена. Упрочение своей власти достигали они поставках во главе родов и племен своих родственников или приверженцев, обязанных им своим возвышением (7, с. 10). Таким образом, находясь во главе племени или рода, кочевая знать ведала всеми делами, начиная с перекочевки кончая разрешениями различных споров (9, с. 89). Вес аппарат власти, находящийся в руках вождя и его

приближенных, постепенно конституируется в административно – управленческую элиту.

Как отмечает китайские источники о жунах и дунху: «кто храбр, силен и способен разбирать спорные дела, тех поставит старейшинами. Каждое стойбище имеет низшего начальника (36, с. 117). Аналогичные сведения мы имеем и о хуннах: у них не было едино начальствующего верховного главы; каждый род имел государя ил старейшину. Родственники живут в согласии (17, с. 215). Первоначально об уйгурах китайские источники сообщают то же самое «...у них нет единой правительствующей главы, а правят каждым родом особые начальники...», европейские писатели о западных гуннах говорят следующее: Прежде у них не было верховного начальника, а весь народ был разбит на конные отряды по 1000 человек в каждое, которые имели своего предводителя...» (99, с. 86, 105). Таким образом, на начальном этапе развития системы управления у тюрков преобладала упрощенная форма правления, тем самым следует заключить, что сильная государственность складывалась у них постепенно.

Первоначально хунну управлялись своими родовыми старейшинами «шаньюями», которые были просто главными среди прочих и не имели практически никакой реальной силы, кроме, может быть личного авторитета (47, с. 72). Сначала они выполняли только военные функции, а власть их при этом была временной, они были избираемы (72, с. 42-43). Впервые титул верховного правителя хуннов «шаньюй» появляется в китайских источниках не позднее периода Чжанью (403-221 гг. до н. е.) (105, с. 213), т.е. во времена, когда государство у хуннов в окончательном его виде еще не сложилось. В этот период «шаньюй» означает «величайший». Само название говорит о том, что он всего лишь первый среди равных 24-х старейшин, а его власть ограничивалась родовой аристократией (47, с. 74). Но уже к середине I в. Н. э по объяснению Бань Гу (32-92) «шаньюй» означает «обширный» и показывает, что носитель

этого титула обширен, подобнее небу Тем самым хунну подразумевали, что под его властью, словно под небом, находится вся земля. Исход из чего можно уж говорить об огромной власти, принадлежавшей верховным правителям хунну (104, с. 213). Как нам кажется, здесь прослеживается переход от просто титулярного значения старейшины к верховному императору Великого государства. Таким образом, общество хуннов достигло относительно высокой степени развития; структура управления была сложной и вместе с тем гибкой (44, с. 122). Со временем титул шаньюй в китайских источниках заменяется титулом «каган», что в переводе с языка сяцев (т.е. китайцев) означает «опора», а первое упоминание о нем мы встречаем приблизительно между 25-280 гг. Официально данный титул был принят впервые правителем жуаньжуаней Шэлуном (105, с. 23-216). Судя о текстах древнетюркской письменности, титул «кагана» у тюрков появляется в начале VI века. Первоначально, по нашему мнению, титул «каган» у тюрков носил то же самое значение, что и первоначально смысл титула «шаньюй» у хуннов. Так, в Большой надписи памятника в честь *Кюль - Тегина о Бумынь - каган и Истеми - кагане* говорится следующее: «...они так обитали (восседали), устраивая «гёк-небесных» тюрков, которые были (тогда) без господина и без родовых представителей» (85, с. 36). Тем самым подтверждается наше мнение о том, что процесс сложения системы власти вождя шел постепенно, а первые каганы были лишь «первыми среди равных». Роль кагана всеми тюркскими текстами представлена нам, как роль вождя и военачальника. Он является всего лишь высшим «сюзереном» в тюркском обществе. Каган – это фигура родового вождя, который постепенно превращается из военачальника и императора, т.е. «родовая власть становится властью королевской» (26, с. 108). О том, что власть кагана напрямую зависит еще от благосостояния всего народа, подтверждается следующим мнением «царь кормит свой народ, одевает его, оплачивает его, если же он не в

состоянии содержать своих подданных, он их распускает, и его народы ищут содержания под другим флагом (23, с. 91). Впоследствии за укрепление центральной власти происходила ожесточенная Борьба родоплеменной знати за власть кагана, примером могут служить уйгуры. Так, при ослаблении власти кагана некоторые старейшины, захватывая верховную власть, учреждают новую династию (107, с. 27-29). Естественно, что при таких условиях, когда идет ожесточенная борьба между представителями различных племен и родов за власть, кагану необходимо была опора и ею становилась так называемая аристократия по крови, по праву происхождения, из рода, особый статут которого в руководстве делами племени считался неоспоримым, освященным традицией. Практически во всех тюркских надписях утверждается о том, «что только каганы с помощью своих родичей и свойственников способны вскормить народ (74, с. 219-221). Такая власть шаньюя, каган, хана «держится до тех пор, пока все и каждый видят в ней для себя выгоду» (99, с. 73-74). Начальный процесс появления института верховного вождя происходил в рамках выборности личности из определенного аристократического рода или семьи. Для разрешения проблемы, связанный с появлением структуры управления у тюрков, является важным осмысление перехода выборной власти в наследственную. Если вначале вожди, независимо от их происхождения, а исключительно по способности выбирались, то постепенно власть передавалась по наследству. Таким образом, до сложения государства наследственность возникла в результате формирования древней племенной знати, когда родоначальники племен – патриархи, пытались превратить свои общественные функции в наследственные должности. Знатность происхождения начинает играть огромную роль. Так, в ранних государствах право на престол могло принадлежать лишь одной из агнатных групп, внутри которой действует принцип выборности (30, с. 154). Данный процесс выборности зависит как от богатства, так и личных

качеств выбираемого Знатность происхождения, играя большую роль в выборности, все же возникает позднее богатства. У хуннов мы встречаем следующий обычай наследования, где шаньюю наследовал его сын, родной брат или племянник от родного брата (102, с. 68). Появление наследственного права у хуннов возникло на основе древних родовых традиций, в период Модэ. При сохранении выборности родах, в шаньюйском роде закреплялась наследственная передача должностей (22, с. 53-54, 63). Сразу же после образования государственности тюрки ввели закон о престолонаследии (Мугань - хан), 553 г.), по которому младший брат наследовал старшему, а старший племянник – дяде (46, с. 12-13). Со временем в древнетюркском обществе каган, узурпируя власть, стремится к экономическому и политическому закабалению племен. В процессе узурпации власти каган сталкивается с грозной силой в лице имущественной знати, представителем которой являлись «беги». Данная борьба в большинстве случаев заканчивается победой кагана, тем самым каган становится наследственным монархом, а беги – потомственным дворянством (20, с. 162). Таким образом, наследственность у хуннов появляется в результате распада патриархальных отношений, а наследственность у тюрков появляется в результате узурпации власти господствующим родом прав верховного сюзерена. Если в хуннском обществе – древняя патриархальная наследственность, то в тюркском – наследственность, узурпированное право богатого представителя племени. (20, с. 174)

Нам кажется, что процесс перехода выборности в наследственность у тюрков начинает принимать формы принуждения закона, что может характеризоваться в значительной степени как существование у них государства. Закон о переходе выборности в наследование в форме определенного комплекса социальных и моральных норм известен издревле. Закон наследования заменяет собой обычай выборности. Таким образом, замена выборности наследованием, а, следовательно, обычая зако-

ном, является присущим ранней государственным образованиям. В древней тюркском обществе происходила постепенная эволюция правовых норм от введения первых табу (запрет) до оформленных в закон моральных санкций. У хуннов, по китайским источникам, «... законы словесно объявляются (16, с. 40), «их законы: тех, кто выхватывают (без причины) меч и палицу – умерщвлять» (22, с. 43), «у виновного в краже конфискуется семья: совершивший тяжкое преступление предается смерти. Самый продолжительный срок заключения в тюрьме – не более десяти дней» (104, с. 40). Закон – это уже принуждение. На всем протяжении возникновения ранних форм системы управления у тюрков важнейшей функцией, инструментом во внешней и во внутренней политике начинает играть принуждение и насилие, органами которого была военная организация и военная дружина вождя. Таким образом, на основе перехода выборности в наследственность и при этом появление принуждения, насилия и закона, являет собой необходимый атрибут возникновения государственности у тюрков. Закладывающиеся основы наследственной власти постепенно не только отрываются от своих корней в народе, но и возвышаются над всей системой родоплеменной организации. Наследственная власть становится такой же легитимной, как и выборная, ибо для тюрков был невозможен полный отход от народа. Народу, который практически совпадал с военной организацией, было необходимо создание такого центрального института управления, коим являлась наследственная власть вождя. Систематизируя появление наследственности, стоит отметить, что внутри зарождающегося государства существовало разделение общества на богатых и бедных, но данное деление свойственно не только определенным личностям, но также и родам и племенам. На основе данного расслоения из числа крупных и сильных родовых и племенных групп выбираются вожди – военачальники, которые принадлежат к прослойке богатых людей. Постепенно, пользуясь своим положением,

вожди не только вводят свое избрание в закон и узурпируют и сменяют выборность наследственностью. Наследственность, в свою очередь, опираясь на закон, а также не принуждение и насилие, развивалось в монархию.

Следующей по своему значению ранней структуры управления являлся такой орган, как совет старейшин. К созданию данного института над общинной властью, отражающей интересы связанных между собой родовых коллективов, привела необходимость хозяйственной и политической защиты территорий племенной организации. В их ведение входило, прежде всего, урегулирование отношений с другими племенами, а также регулирование отношений внутри собственных структур. **(39, с. 73-74)**

В письменных источниках можно встретить указание о том, что у ряда кочевых народов существовал совет старейшин как орган родового строя. Представителями совета старейшин в эпоху Модэ входили как члены самого шаньюева рода, так и «вельможи», представители отдельных племен и родов. Являясь уже во своей сути монархом, Модэ требовалось все еще признание со стороны старейшин и вельмож. Признание Модэ со стороны племенной верхушки укрепило его положение. Данный совет старейшин олицетворял собой значительную массу гуннского народа. Таким образом, сохранение этого органа управления, к которому шаньюи неоднократно обращались за советом, в том числе и Модэ, и которого они слушались, способствовало то, что данный орган являлся отражением интересов всего населения. Но все же он не играл решающей роли, а имел лишь значение вспомогательной силы. Сами старейшины для обсуждения всех дел съезжались в ставку шаньюя **(20, с. 164-165)**. Примечательно также то, что при решении важнейших политических вопросов шаньюй был вынужден считаться с высшим совещательным органом всех племенных следующее: « В 1-ый луне (каждого) года все начальники съезжают на малое собрание в ставку шаньюя и приносят

жертвы. В 5-ый луне съезжаются на большое собрание в Лунчэнэ, где приносят жертвы предкам, небу, земле, духам людей и небесным духам. Осенью, когда лошади откормлены, съезжаются на большое собрание в Дайлине, где подсчитывают и проверяют количество людей и домашнего скота (104, с. 40). Определенного, что в ставке, где периодически устраивались «большие собрания», знать решила различные государственные и общественно - политические вопросы (81, с. 128). Захватив всю власть свои руки, родовая знать заменила народное собрание съездами родовых князей. Упоминание в источниках о народном собрании у хуннов мы не находим, а съезды родовых князей и вельмож происходили регулярно дважды в год (47, с. 83). Как и хуннов, у монгол необходимость в институте курултая отпадает с появлением наследственной монархии. Там, где складывается самостоятельное во всех отношениях государство, из источников сведения о совете старейшин и народном собрании постепенно исчезают (2, с. 41-42). У казахов, по их же собственным словам, « из древних – де лет имеет обычай, что ханы без совету старшин ничего не повинны чинить...» (87, с. 142). Аналогичные данные мы встречаем и при рассмотрении истории государства кочевых узбеков, где права хана были ограничены советом племен. Любое мероприятие, начиная от объявления войны и кончая назначением воспитательниц царевичей, не могла быть приведено в действие без ведома совета племен (9, с. 98). Таким образом, совет старейшин, как один из органов ранней формы системы управления у тюрков, имел значение только в рамках конкретно сложившихся обстоятельств. Если в начале совет старейшин играл определенную роль в системе над общинного управления, то после появления наследственной монархии ему отводится роль совещательного органа. Сохранение совета старейшин у тюрков как института управления при шаньюе, кагане и т.д. было больше связано с древней традицией, нежели с острой необходимостью. Состоял данный орган практически всегда из богатой

аристократической прослойки, на которую в случае необходимости мог опереться наследственный вождь.

Наиболее интересным вопросом в системе изучения генезиса тюркской государственности является разработка проблематики о роли в нем войны и военной организации. Вообще сама по себе война и связанное с ней завоевание по существу характеризуются не как причины, а как следствие возникновения укрупненной политической структуры. Военное дело является не родом занятий и формой организации, а определенной функцией централизации. Война действительно выступает на передний план, становясь важным инструментом интеграции, только после возникновения развитой структуры (32, с. 34). Вуруженную силу любого племени или союза племен состояло все их взрослое мужское население. Препятствием для полного подчинения общинников родоплеменной знатью было существование народного ополчения (68, с. 231-232). На наш взгляд, в тюркском обществе понятие народ и войско было идентичным. Практически вся структура древнетюркской общины веками формировалась и приспособлялась к целям и задачам быта в военное время. Так, тюркский племенной союз, состоявший из племен и родов, был политически организован в имперскую структуру – эль. Родоплеменная организация и военная – административная взаимно дополняли друг друга, что показывает на ту прочность социальных связей, которая была свойственна тюркскому государству (74, с. 219). Следует отметить, что прослеживается определенная схожесть между тюркской военной организацией и греческой. Так, у греков «...каждый взрослый мужчина в племени был воином...» (119, с. 119), у тюрков «мужем-воином» становился по праву рождения любой юноша, достигший определенного возраста и получивший эраты – «мужское (геройское, воинское) имя» (5, с. 221). В отличие от земледельцев «... кочевники могут вести войны в продолжении нескольких веков без того, чтобы их общее благосостояние терпело ущерб...» (99, с. 73). Война и потребность собствен-

ной обороны могли использоваться в качестве «общественной связи», например, хуннскими шаньюями (84, с. 115). Как правило, на путь завоевания кочевники вставали в поиске новых пастбищ, что приводило к столкновению с соседними народами, поскольку ни один народ не отдавал своей земли добровольно, без сопротивления (99, с. 14). Война в жизни Кочевников играла значительную роль, у всех кочевников структура общества была подчинена целям войны. С военной организацией неразрывно сочеталась родовая - племенная структура, так как по родовому принципу было организовано войско (27, с. 66). Родовая аристократия создала такую организацию управления, которая была направлена в интересах войны. Родовая знать, объединяясь вокруг удачливого вождя, опирается на военную организацию (72, с. 598). Нет сомнений, что именно военный образ жизни кочевников – тюрков определялся историческими условиями. Политическая власть, находящаяся в руках кочевой аристократии, облегчала захват кочевий (97, с. 81-83). Можно с уверенностью говорить о том, что «кочевники при завоеваниях берут не числом, а напором» (60, с. 89). Мастерство воина, его сила у хуннов измерялась умением обращаться с луком. Практически все хуннское мужское население проходило военную подготовку, «это у них было в крови» (12, с. 118). Все тюрков были воинами и входили в отряды князей правящего рода Ашина (43, с. 59). Для успешного ведения военных действий необходимо было: во-первых, обеспечение военной операции, определенного коллектива участвующих в ней населения, достигалось это путем сохранения родовых – племенных институтов; во-вторых, необходимо было заинтересовать в продолжение войны участвующих в ней соплеменников. В процессе возникновения государства у тюрков была создана система военного – административного управления, при которой военные и гражданские функции были совмещены именно в интересах войны (26, с. 127). Таким

образом, можно говорить о том, что возникновению государственности у тюрков способствовала форма завоевания.

Родовая – племенная организации, совпадавшая с военной, являлась структурной основой общества хунну, так и последующих за ним социально – политических структур тюрков, уйгур, киргиз и монголов. Существующая военная-административная система у хуннов делила населения на десятки, сотни, тысячи и «тьмы» (десятки тысяч) **(81, с. 23-24)**. Результатом образования военной организации, его социально – экономической базой, являлось кочевое скотоводство, при котором военное дело играет значительную роль **(20, с. 164)**. Существует мнение, что основным фактором при завоевании у кочевников, в том числе и хуннов, являлось «возврат себе того, что кочевник теряет на базаре из-за своего простодушия и отсутствия хитрости» **(48, с. 194)**

О военной мощи хуннов говорит то, что на государственном уровне у них проводились военные учения, называемые «государственной охотой». Эта подготовка несла в себе два типа военных учений: первая, подготовительная охота; вторая, большая государственная охота. Вся армия у хуннов участвовала во второй охоте **(12, с. 119)**. Нам кажется, что существование подготовительной охоты было пережитком периода, когда прочные позиции занимали старейшины – военачальники, на начальном этапе создания военной – административной системы. Государственная охота характеризует хуннское общество как военное, сформировавшимися государственными органами. Практически всем тюркским народам было присуще проведение маневров и учений. Как и гунны, тюрки все время воевали, но в отличие от них, во время военных столкновений использовали прекрасно вооруженную латную конницу, заставляет «голова склоняться и колени согнуться» **(42, с. 192-193)**. Интересно, что практически трафаретно прослеживается военная организация древне тюркских племен с племенами периода позднего средневековья. Военная организация, степень

организованности и дисциплина была на высшем уровне. Первоначально во главе енисейских киргизов стоял *ажо*. Отряды возглавили беги.

Впоследствии военная организация, укрупняясь, состояло из *туменов и полутуменов*, которые возглавили беи (114, с. 138 - 140). Такая военная организация была приспособлена для нужд большой войны. Об этом говорит в первую очередь то, что гражданские должности совмещались с военными. У большинства тюркских племен существовала азиатская десятичная система была распространена у монголов при Чингисхане, наряду с этим у них сохранялось деление армии на крылья и центр (115, с. 154-155). Воинские части укомплектовывались из отдельных племен и родов, которые выставляли определенное число всадников. У тюрков существовало деление на крылья: восточные назывались «телес», а западные *«тардуш»*. Военизация кочевого быта тюрков была проведена без нарушений родового строя. (42, с. 192)

Таким образом, военная организация древнетюркского общества представляет собой сложную структуру управления, при которой родовая – племенная организация, а армия становится не только сохраняется органом завоевательной внешней политики, но и органом принуждения и насилия внутри формирующегося государства.

Ранние формы структуры управления тюркским обществом зарождаются на начальном этапе формирования государства. Вождь – военачальник, совет старейшин, военная организация – это основные элементы публичной власти у тюрков. Первоначально вожди – военачальники (шаньюй, каган и др.) выдвигались на передний план в системе управления родом, племенем, племенным союзом, путем выбора, через собственный авторитет, являясь всего лишь первым среди равных. Впоследствии вождь – военачальник выбирается из конкретного аристократического рода. Постепенно выборность начинает заменяться наследованием, при этом наследование было свойст-

венно в более крупных социальных структурах, а выборность оставалась привилегией конкретного агнатного рода. И, наконец, в самом роде также происходит замена выборности наследование приобретает форму закона, т.е. с периода зарождения наследования появляется закон о нем. Совет старейшин играет большую роль только на самых ранних этапах формирования крупных социально- политических структур, а с появлением наследования роль данного органа управления принижается, ему отводится второстепенное значение. Народное собрание у тюрков совпадало с войском – военной организацией, а именно с военной – административной системой. Вся военная организация базировалась на родовой – племенной структуре, примером может служить орда, которая переплеталась с понятием племя – племенной союз. Военное дело есть жизненная необходимость существования тюркского общества.

Таким образом, базовыми принципами возникновения государственности и исполнения законов и правопорядка достигались следующим:

- строгое следование традициям и обычаям предков, почитание старейшин, старших и родителей, исполнение религиозных предписаний и установок;

- строгое исполнение приказов и распоряжений кагана (вождя), при этом распоряжения и приказы были на благо народа;

- важные общественно-политические вопросы, такие, как война, в некоторых случаях выборы вождя, заключение договоров и другие, решались на больших и малых собраниях.

ГЛАВА III

ФОРМЫ ФЕОДАЛЬНОЙ ЗЕМЕЛЬНОЙ СОБСТВЕННОСТИ В ТЮРКСКИХ ГОСУДАРСТВАХ СРЕДНЕВЕКОВЬЯ (VI-XII вв.)

Наиболее существенным вопросам проблемы феодальных отношений у тюркских народов вопрос о характере и развитии земельной собственности, т. е. об основном средства производства, определявшем экономический строй, положение различных социальных групп и характер производственных отношений в целом.

Затруднительность изучения и разработки данных вопросов вытекает из скудности, односторонности источниковедческой базы, из особенностей сочетания землепользования у тюрков, при которых подчас невозможно определить границы феодального и общинного землевладения, вычленив или обособить эти явления друг от друга и установить их соотношение на фоне господствовавшего всепоглощающего общинного землепользования.

Более уловимым и поддающимся констатации и определению в условиях кочевого землепользования и землевладения является не подвергавшееся до сих пор специальному изучению право распоряжения пастбищами и кочевьями, в котором и реализовывалось право собственности на землю, находила практическое выражение земельная собственность феодальной верхушки. (103, с. 59-60)

Процесс сложения феодальной собственности на землю у древних тюрков шел на базе разложения общины и выделения из нее небольшой группы владетельных лиц, обладавших наряду со скотом определенными районами кочевий.

Разложение общинно-родовых земельных отношений началось с превращения в объект частной собственности, прежде

всего зимних пастбищ - самых ценных земельных угодий, как это случалось с усадебной землей у оседлых народов. **(119, с. 150)** Вслед за обособлением зимних пастбищ, ставших составной частью объекта землевладения феодальных знати.

В условиях древних кочевников тюрков разложения общинной собственности на землю происходит вслед за разложением таковой на скот. В источниках, касающихся племен, входящих в состав Тюркского каганата, встречаются указания на то, что отдельные влиятельные лица из среды тюркских племен уже имели под своим управлением определенные районы кочевок. Об этом свидетельствуют следующие данные.

В VII веке Чуло - хан, объясняя китайскому императору причину задержки с приездом к китайскому двору, заявил: «Я управлял всеми владениями на западе и не мог приехать ко двору для поколения». **(17, с. 282)** Об одном из могущественных правителей Тюркского каганата конца VII века китайские источники сообщают: «Владения его на востоке были смежны с северными тюрками, на западе с туркестанцами... Он владел всеми землями, принадлежавшими Хусуэко» и т.д. **(17, с. 286)**

Факты о том, что отдельные представители феодализирующейся знати имели в своем подчинении «свои земли», «владения», говорят о том, что основы общинно – родовых земельных отношений начинают расшатываться уже в VII веке. Мы можем считать форму возникшей в это время земельной собственности близкой по своему характеру к европейской аллодиальной собственности на землю. **(53, с. 151)**

Слово «аллод» сначала означало имущество, перешедшее по наследству. Затем под этим словом стали подразумевать первоначальную форму феодальной поземельной собственности в Западной Европе, т.е. это одна из форм землевладения.

В конце VI века в Средней Азии происходит интенсивная концентрация земель в руках восточной – иранской и согдийской землевладельческой аристократии (*дехканства*), а часть свободного населения (*кедивары*) оказывалась в зависимости

от нее. **(63, с. 258)** По поводу дехкан у Бартольда имеются следующие замечания: «Перед арабским завоеванием главной чертой быта населения Мавераннахра следует признать господство земельной аристократии (так называемых дехканов), не сдержанной как в Персии, союзом трона и алтаря, т. е. сильной монархической властью и влиятельным духовенством. Местные владельцы были только первыми дворянами: даже самые сильные из них, подобно своим подданным, назывались дехканами». **(13, с. 238)** «Слово «дехкан» обозначало одинаково простых землевладельцев и владетельных князей». **(13, с. 239)** Знатные дехкане окружали себя личными дружинами из профессиональных воинов (*чакиров*). В сельской местности и в соседстве с городами возникали хорошо укрепленные замки землевладельческой знати. Центральной фигурой феодальной знати у многих народов Средней Азии и Востока, в том числе у тюрков, были беки. Об этом свидетельствует многочисленная историческая литература. Например, можно привести следующее: «Высший слой огузского общества составляли знатные люди, обычно называемые беками». **(66, с.191)** Автор другого источника, говоря о кочевниках – тюрках VI-VII века указывает, что у них «представители родоплеменной знати (главы отдельных племен и из родственники) носили титул «бек». **(63, с. 124)** В свою очередь из среды беков постоянно выделялся каган (хан, встречается и хаган), занимавший среди них главенствующее положение. Титул каган у кочевников Тюркского каганата больше подходит монгольскому титулу хан периода XI - XII вв. **(35, с. 80)**

Наряду с каганами и беками существовал ряд других лиц феодальной знати. Например, *ябгу, неады, тарханы*.

Имущественное первенство, наблюдавшееся в период Тюркского каганата, становится основой классовых противоречий кочевой среде далекого прошлого тюркского народов. Здесь в этот период шло повсеместное втягивание с в систему землевладения общинных земель и укрепления за счет этого

феодалных владению Землевладение становилось реальной базой для укрепления экономического могущества эксплуататорской верхушки.

Верховным собственником и распорядителем всех земель государства был каган. Члены Каганской семьи и рода, предводители племен, знатные воины назначались каганом на различные должности, являлись удельными собственниками и распорядителям отведенных им земель (пастбищ).

Следует отметить, что при кочевом образе жизни знать закрепляла за собой не территорию с людьми, а людей с территорией. **(64, с. 259)**

Специфика земельных отношений в этих условиях заключалась в том, что внутри обширных территорий, являвшихся наследственным уделом феодалов, землепользование рядовых кочевников было общинным. **(64, с. 259)**

Письменные источники, повествует о тюрках VI – VII веках сообщают, что «каждый имеет свой участок земли» **(17, с. 230)**, но здесь речь идет о каждом вожде родоплеменной группы, т. к. особо подчеркивается в источниках право на землю высшей знати. Так, уже в конце VI века византийские источники сообщают, что « у тюрков был закон предоставлять золотую гору в распоряжение главного кагана», и при этом добавляется, что «эта гора по своему положению обращена на восток, а «золотой» она именуется местными жителями потому, что на ней в изобилии растут плоды; кроме того она богата дикими зверями и вьючным скотом». **(80, с. 53)**

Отсюда видно, что лучший участок земли находился в личной собственности кагана. По географическим данным эта золотая гора была не что иное, как хребет Монгольский Алтай, где каган «со своими вельможами приносит жертву в пещере предков». **(17, с. 230)** Такие же заповедные собственные земли имели на Тянь – Шане и каганы западных тюрков.

Наиболее активные попытки укрепить власть Западного – тюркского каганата над среднеазиатскими владениями были

осуществлены при *Тон Джаблу* – кагане. Используя феодальное право инвеституры, он произвел административную реформу, сильно ущемившую права среднеазиатских династий. Он пожаловал всех местных владетелей тюркским титулом «*эльтебер*», тем самым уравнивал их между собой. Среднеазиатские народы получили статус «*эльтеберлик бодун*», что на ранг ниже «*каганлык бодун*» (*бодун-народ*). (64, с. 234-235) За осуществлением контроля над среднеазиатскими владениями были назначены *тутуки*. Согласно этой реформе, правители отдельных областей Средней Азии теряли право сбора дани для кагана. (64, с. 235) Она перешла к надзирателям *тутукам* (их функции сходны с функциями монгольские даруги).

Должности *шада* и *ябгу* занимали члены Каганской семьи (*тегины*). *Шады* и *ябгу* были «и военными организаторами и наместниками над покоренными племенами». (53, с. 18) Но есть и другое определение термина шад. «Главы отдельных кочевых племен вынудили *Эльтиреши Шир –кагана* (634-639) провести реформу: «Хан разделил свои владения на 10 поколений, или аймаков. В каждом поколении поставил по одному начальнику для управления. Каждому начальнику дал по одной стреле, от чего они именовались *ше* (или шад)». (64, с. 229) Термином «бег» в древнетюркских государствах именовались вожди отдельных племен. (63, с. 260) В VI веке их называли *капынами*. (64, с. 260) Все должности были наследственными.

Главная часть тюркской общины и ее рядовые члены обозначались термином «*кара бодун*». В древнетюркских текстах часто упоминаются рабы (*кул*) и рабыни (*кюн*). Источниками пополнения их были воины. Рабы в основном предназначались для продажи.

Сведения о формах и методах эксплуатации кочевников немногочисленны. Почти нет данных о налогообложении. Известно, что в начале XIII века каганы распространили на свои владения арабскую систему налогообложения (поземельный налог – харадж и т. д.). (64, с. 261)

Трудовое население выполняло ряд общегосударственных повинностей, прежде всего воинскую и ямскую (поставка лошадей и подвод). (80, с. 54)

Включение отдельных областей в Средней Азии в состав Арабского халифата ускорило процесс развития феодальных отношений, протекавший в условиях глубоких социальных противоречий и народных движений.

Из письменных источников известно, что арабская оккупация Средней Азии была очень обременительна для местных жителей. С правителями всех покоренных среднеазиатских земель арабы заключали кабальные договоры, обязывают их поставлять ежегодно большую дань, молодых рабов и прочее.

Особенно разорительными для покоренных областей были поборы и налоги (*джизья, харадж*), которыми облагалось немусульманское население.

Одним из важнейших изменений в общественной жизни явилось распространение новой религии – ислама.

Можно предположить, что феодализация шла двумя путями: путем распада сельских общин, часть членов которых переходить в разряд зависимых людей (*кедиваров*), и путем пожалования за военную службу.

Социальный строй народов, объединенных тюркским каганатом, находился на различных стадиях развития. Народы каганата распадались как на кочевое – скотоводческое население, так и на оседлое – земледельческое. Передовой и ведущей в культурном отношении частью общества были оседлые земледельческие народы. Оседлая часть населения занималась земледелием, основанным чаще всего на искусственном орошении, сочетавшимся со скотоводством

В условиях земледельческого хозяйства быстрее созревали предпосылки для обособления землепользования. При земледелии, основанном на искусственном орошении, индивидуализируется не только пахотная земля, но и оросительная вода. «В условиях господства поливного земледелия речь иног-

да идет формально не о земле, а о воде, но это не меняет сути дела, т.к. фактически подразумевается земля, орошаемая этой водой». (66, с. 202)

Как свидетельствуют письменные источники средних веков, в X-XI веках земледелие велось оседлым населением, ряды которого пополнялись обедневшими кочевниками, называвшимися «*джатаками*». По словам Махмуда Кашкари, осевшие огузские рядовые крестьяне, порвавшие с кочевым образом жизни и занимавшиеся земледелием, назывались «*ятук*». (66, с. 224)

Таким образом, по мере усиления процесса узурпации (захвата) общинных земель с водными источниками для орошения и обособления собственности на скот возвышалась знать и теряли свое прежнее в экономическом отношении независимое положение рядовые общинники. Влиятельная верхушка захватила право распоряжаться землей и трудом рядовых общинников.

Благоприятную роль в этом сыграло то, что зимние ставки владетельных лиц, чаще всего располагались в городах. Средневековые города Средней Азии, как и западные европейские с замками, служили опорными пунктами для роста могущества крупных феодалов. Например, город Баласакун, где к середине XI века царствовал хан тюркских племен Шереф-ад-Даула. (66, с. 202)

Огузские, тюркские феодалы в городах постепенно овладевали окрестной территорией, становившейся как бы их вотчиной. Ими постепенно захватывались и оросительные источники. От этого страдало большинство рядовых крестьянства.

Господствующим классом в Мавереннахре в IX-X веках при Саманидах были крупнейшие земледельцы – светские и духовные. Подавляющее большинство этих крупных землевладельцев принадлежало к старому дехканству. Значительная часть класса феодалов составляли представители высшего

мусульманского духовенства, обладавшие при саманидах огромными земельными фондами, выросшими на основе вакфов.

Необходимо отметить, что начиная с арабского завоевания, дехканская собственность на землю подвергается значительному ограничению. **(63, с. 204)** Известно, что часть дехканов, оказавшая сопротивление завоевателям, была разгромлена и лишена своего имущества. Значительный земельный фонд как в Иране, так и Средней Азии переходит в личное владение халифов. Но отпадение Средней Азии от халифата не привело к усилению прежнего дехканства; наоборот, централизованная политика саманидов наносит ему новый удар. Однако, саманидом не удалось ликвидировать дехканство.

Крупные земельные владения и другие виды недвижимости сосредоточились также в руках «новых людей», какими оказались высшие представители тюркской гвардии, выходцы из гулямов. Об одном из них, Алп - Тегине, Низам-аль-Мульк писал: «В переделах Хорасана и Мавереннахра ему, на началах частной собственности (мильк), принадлежало 500 деревень; не было города, в котором ему не принадлежал бы дворец, французский сад, караван – сарай, баня и много недвижимой собственности, приносящей доходы (мустагал)...». **(63, с. 204)**

При саманидах выросло и значение высшего мусульманского духовенства. Параллельно с ростом авторитета высшего мусульманского духовенства, увеличилось и его материальное благосостояние. Начиная уже с Исмаила Самани значительно выросло вакфное имущество мечетей, ханака и других учреждений. **(63, с. 205)**

Значение крупного землевладения в Средней Азии, в частности в Мавераннахре, было велико. Крупные земельные фонды, сосредоточенные у разных категорий земельных собственников, были неоднородны по типу и характеру прежде всего самого владения землей. Источники позволяют установить для конца IX и X века несколько видов земельных владений. При чем классификацию их можно провести по следующим призна-

кам: 1) принадлежности земли и 2) ее государственного обложения.

Рассматривая земли по признаку принадлежности, их можно разбить на три категории:

1. *«Милки – султан»*, или *«мамлаке – и- султани»* (63, с. 205), - земли, принадлежавшие султану. Ввиду того, при феодальном строе на Востоке трудно было отделить то, что принадлежало султану, – к султанским землям применяли иногда определение – «земли государственные». Впоследствии они именовались *«милки дивани»*.

Относившаяся к этой категории земельные фонды были очень велики. Сюда входили главным образом земли основной массы крестьянства, жившего в условиях сельской общины.

2. *«Милки» - земли частновладельческие*. В эту категорию входили земли, принадлежавшие лично отдельным членам правящей династии, древней дехканской знати, сеидам, высшим представителям духовенства, некоторым выходцам из тюркской гвардии, купцам и др., а также разные виды привилегированных (в смысле государственного обложения) земель и мелкое землевладение.

3. *«Вакфные земли»*. К этой категории относились все земли, переданные во временное или вечное пользование разным мусульманский религиозным учреждениям – мечетям, медресе, ханакам, мавзолеям и др.

В состав вакфных земель входили самые разнообразные категории земель как смысле их принадлежности, так и в смысле обложения.

Теперь перейдем к классификации земель по принципу их государственного обложения.

1. *«Милки харадж»* – земли хараджные, т. е. те с которых собирали харадж. к ним, прежде всего, относили земли из категории «милки - султани», т. е. государственные земли, где жило крестьянство условиях сельской общины.

К хараджным землям принадлежали и «мильки», хотя значительная их часть была частично иногда даже целиком освобождена от хараджа. К хараджным принадлежало и большинство вакфных земель.

2. Земли, частично или полностью освобожденные от обложения налогами. Собственниками их были разные категории высшего мусульманского духовенства и прежде всего сеиды.

Характерной особенностью крупного землевладения в Средней Азии и Иране той эпохи являлось то, что землевладельцы не вели на своих участках крупного хозяйства и не обрабатывали своих полей трудом крепостных крестьян. (64, с.210) В известных нам источниках не приведено ни одного факта, говорившего о ведении такого крупного хозяйства. Крупные землевладельцы обычно дробили свои земли на мелкие участки и сдавали их издольщикам в аренду всем, кто в этом нуждался. Издольщиками – барзигарами были, большей частью, малоземельные крестьяне сельских общин. Наряду с ними имелись еще издольщики из числа безземельных крестьян.

Харадж с земель, сданных издольщика, согласно юридическим нормам, распределялся в зависимости от доли урожая обеих сторон.

Эпоха древнетюркских государств – это прежде всего эпоха возникновения и сложения в кочевом обществе раннефеодальных норм социальной жизни, достигших полного расцвета в последующую караханидскую эпоху.

Рост крупного землевладения у знати периода караханидов, происходит как по линии экспроприации общинных земель, так и путем прямого захвата чужих территорий, исторически это являлось результатом естественной тенденции. Таким способом молодая аристократия умножала свое богатство, поднималась выше по феодальной лестнице. (53, с. 25) Функция распоряжения земельными угодьями была основным элементом формирующегося права феодальной собственности

на землю. От собственника зависело решение вопроса о том, кому передать землю во владение, пользование, а также о том, какое вознаграждение должно быть обеспечено со стороны землепользователей в пользу собственника земли. Именно этим можно объяснить появление таких феодальных правовых институтов как икта, тарханство.

Термин *икта* означало правовое основание, документ, дающий полномочия его держателю взимать в свою пользу харадж – земельный налог с крестьянского населения за Пользование определенными участками земельных угодий; но держатель не обладал правом распоряжаться этими землями, т. е. наследством. Лицо, получившее этот документ, назывался *иктадаром* (по - персидски), или *муктой* «по-арабски).

Институт икта в указанном смысле действовал в Средней Азии еще при Саманидах, а в Ираке – с X века. (64, с. 259-260) Но в Средней Азии того времени действие института икта носило ограниченный характер.

В. Бартольд писал, что прежние цари Саманиды и Газневиды «ограничивались уплатой жалования (*пишггани и маваджиб*) и не раздавали воином земельных наделов (икта, мн.ч. – *иктат*). Причем гулямы (представители светской власти), достигшие высших военных должностей, могли приобретать земли путем покупки». (13, с. 298)

В период Караханидов и Сельджуков институт икта приобретает большое распространение. По свидетельству Бартольда, я в этом время «пожалование надела (икта) было обычным фактом».

Конкретный факт о раздаче икта Караханидами находим у Ибн Ал – Асира. По его рассказам, некий Али -Тегин, пригласив к себе одного из сельджукских предводителей Юсуфа Ибн Муссу, « наделил его многими наделами (икта)...». Автор также пишет, что *гурхан киданей* не давал эмирам владеть икта, говоря, « ...когда берут икта – тиранствуют». (63, с. 307) Монархические данные также подтверждают раздачу крупных пожа-

лований в Караханидском государстве членам правящей династии и вельможам.

Назначением икта было обеспечение военачальников, чиновников и источником существования за счет налога, взимаемого с населения за пользование землей. Пожалование икта почти всегда связано с несением воинской повинности и вообще службой в пользу иктадателя

В период XI–XII веков иктадары уже перестали удовлетворяться установленной податью. Они чрезмерно увеличивали размеры ренты, подвергая жестокой эксплуатации подвластное трудовое население.

Многие обладатели икта стремились превратить это владение в личную собственность. Правители предпринимали попытки ограничить права и привилегии мукта, о чем говорит следующее положение Низам – аль – Мулька: «Мукта, у которых икта, пусть знают, что по отношению к народу им не приказано ничего, кроме как собирать добрым образом законную подать, что им препоручено... Им следует знать, что царство и народ принадлежат султану». (53, с. 27)

Результатом феодального института икта являлось то, что в Средней Азии в период Караханидов и Сельджуков появилась новая форма земельной собственности – условная, военная – ленная система землевладения.

Одной из форм земельной собственности были так называемые султанские (хаганские) земли, поместья, недвижимое имущество Саманидов и их сторонников, т.е. перешедшие в руки караханидских правителей. Эти личные владения (амлак – хасс) династии Караханидов являлись одним из фондов раздачи икта. За эту собственность хасс не платили государственный поземельный налог (харадж), и все доходы с нее поступали в пользу владетелей. В государственные земли (дивани) (63, с. 308) входили те площади, которые еще не были переданы лицам в условное или постоянно владение и вакф. Эта форма

землевладения служила главным источником налоговых поступлений в казну и фондом раздачи в икта.

При господстве Караханидов стало больше завещанных с благотворительной целью состояний, т.е. вакфных земель и различного движимого и недвижимого имущества мечетей, медресе. Источником фонда этой формы феодального землевладения и имущества были султанские (хаганские), государственные и частновладельческие земли, дары правителей и состоятельных лиц

Вакфные земли освобождались от государственного налога, и все доходы распределялись согласно завещанию вакфодателей.

В Караханидском государстве имелись и мелкие частновладельческие земли, а также земли сельских общин и свободных крестьян.

В источниках упоминается, что народ (бодун), по имущественному достатку делился на богатых – байлар, **(64, 308)** средних – орта и бедняков – чыгайлар. **(64, с. 309)**

Податное население – весь простой люд Караханидского государства – называлось райятами **(64, с. 309)** (в значении «подданные»). В письменных источниках упоминаются айяары (в значении бродяги, бездельники). Айяарами скорее всего именовались обездоленные слои городского населения, различного рода деклассированные элементы. Малоземельные и безземельные крестьяне работали в качестве издольщиков. Имело место и использование рабского труда.

Владения Караханидов делились на эли, вилайеты (области, провинции), управляемые беками – тарханами.

Во главе общин и селений стоял староста (аксакал, или кончин сакал). Его помощник назывался чубан.

Начальником города и его округа был реис. Он был первым лицом города и представителем его интересов; очень вероятно, что реисы назначались из представителей знатных местных родов. **(13, с. 294)** Должность реиса была наследственной.

В период господства Огузов и Караханидов представители кочевой знати становятся не только крупными скотовладельцами, но и монопольными обладателями пастбищных угодий. Появились вассалитет и феодальная - иерархическая система земельных отношений, выступавших в первоначальной форме.

В период X-XII веков происходит выделение наиболее могущественных каганов и беков, образовавших высший круг знати среди кочевников, обладавший не только большим количеством скота и огромным земельным угодьями, но и государственной властью, распространявшейся не только на рядовых кочевников, но и на менее сильных беков. Отдельные бекства представляли собой мелкие феодальные владения, уделы, объединенные в ханства. Таким образом, беки составляли основное ядро родовой знати – вассалов, находившихся в ленной зависимости от сюзерна – хана и державших под своей властью немало феодальное – зависимых людей. (41, с. 32-33)

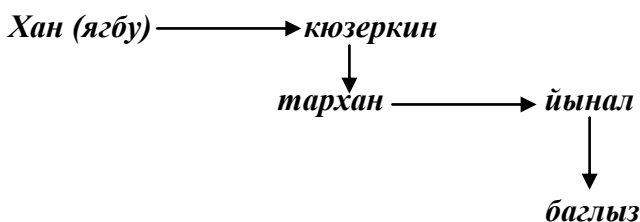
На наличие у древних кочевников феодальной иерархической системы землевладения указывал В.Бартольд. Он пишет, что у Караханидов государство «считалось собственностью всего ханского рода и разделялось на множество уделов; крупные уделы в свою очередь делились на множество мелких; власть главы империи иногда совсем не признавалась могущественными вассалами. Удельная система была причиной частных между собой и постоянной смены правителей.» (13, с. 282)

Таким образом, можно утверждать, что ханы у кочевников выступали в качестве сюзерена, а остальные представители кочевой знати находились в ленной зависимости от него.

Ханское-бекское землевладение этого периода напоминало в основных чертах княжескую–боярскую вотчину Древней Руси. (53, с. 30) Причем фигура хана более всего приближалась к фигуре старо русского князя, фигура бека – к фигуре боярина.

Беки имели дружину. Эти бекские дружины были подобные древнемонгольской дружине (нюкюд).

По словам Владимирцева, древнемонгольская дружина, напоминая древнегерманскую и старорусскую дружину (35, с. 87), была той ячейкой, « из которой как на западе, выросли феодальные отношения. (35, с. 86)» Есть основание предположить, что то же самое происходило с бекской дружиной у Огузов и Караханидов, формирование которой началось еще при Тюркском каганате.

Таким образом, ускорился процесс формирования феодальной собственности на землю, выступавшей в этом регионе в качестве господствующей формы еще до монгольского нашествия. Земельным отношениям этого периода уже была присуща иерархическая система землевладения с ханом-сюзереном во главе.

В древнехакасском государстве основные средства производства – земля (пашни и пастбища) и скот – находились в собственности на основе феодального права.

Но, к сожалению, конкретные формы феодальных взаимоотношений того времени нельзя реконструировать из-за отсутствия прямых указаний в источниках. Поэтому мы лишь в общих чертах сможем рассмотреть феодальные земельные отношения, присущие данному региону.

У древних хакасов существовала государственное и частное землевладение. В государственные земли, кроме пастбищ и пашен правящего рода, входили все горное – таежное прос-

транство, а также захваченные и присоединенные земли. Закабаленное население этих земель платило натуральный налог, несло воинскую повинность и другие платежи. В частных владениях с крестьян налоги взимались натурой, главным образом, зерном. Кроме того, имелись трудовые повинности, основанные на задолженности крестьян своим феодалам хлеба, скота и т.п., а также государственные повинности: воинская, подводная, постоянная и др.

В начале IX века за время войны с уйгурами (820-847) у хакасов наряду с ополчением крестьян и охотников появилось регулярное войско из служилых людей, появилась новая служила знать.

В том время шел интенсивный процесс разорения свободного крестьянства, которое все более попадает в зависимость от бека и его дружины. Земли разоренных крестьян и погибших в военных походах переходят под покровительство феодалов и затем раздаются в аренду. **(80, с. 121)**

В древнехакасских надписях постоянно подчеркивается земельная собственность феодалов: «тарлагым» – «моя пашня», «умер на своей земле», «моя благословенная земля», «моя земля и моя вода», не наслаждался «своей пашней (анызка) и т. д. **(80, с. 121)**

В середине IX века древне хакасская знать имела в частной собственности, на основе феодальной права, не только землю и скот, но и крестьян («кара-бодун» – черный народ), которых можно было подарить любому лицу, т.е. здесь речь идет о крепостных.

В письменных источниках в описании древних хакасов, кроме правящего рода, различаются «подчиненные» люди (в том числе «подчиненные рода»), «низшие люди» «вассальные племена», каждый род которых «имеет (свое) имя» и, наконец, рабы из людей соседних таежных племен, которых «хакасы ловят и употребляют в работу». **(17, с. 351)**

Естественно, что наряду со сложившимися феодальными отношениями в государстве хакасов в IX-XII вв. сохранялся рабовладельческий уклад, но в меньшей степени, чем в VI – VIII веках. Ряды рабов пополнялись за счет военнопленных.

Социальная дифференциация в обществе древних хакасов была очень резко выражена. Кроме «богатых семей» или «богатых землепашцев», источники описывают сложную иерархию правителей и чиновников, свойственную военному – феодальному государственному аппарату.

Во главе государства стоял Ажо (государь) или каган. «Чиновники разделяются на шесть разрядов: министры, главные начальствующие, управители, делоправители и даганы (т.е. тарханы). Министров было семь, главноначальствующих три, управителей десять. Делоправителей было пятнадцать; предводители и даганы не имели чинов (т. е. штатного числа). (17, с. 352-353).

Таким образом, управление государством осуществляется с помощью сложной бюрократии чешкой машины, на которую опиралась деспотическая власть кагана. Этот «азиатский деспотизм» проявился в нормах Хакасского права.

Представители власти, принадлежащие к верхушке эксплуататорского класса, отгораживались от народа, жили в укрепленных крепостях и замках.

Основной опорой правящих кругов государства была армия, о которой источники сообщают: «строевого войска 80.000» (17, с. 351). При этом существовала всеобщая повинность.

Феодальная верхушка древне хакасского государства управляла населением завоеванных территорий а началах *«кыштымства»* (80, с. 123), т.е. подобно известным отношениям феодалов и зависимых от них кыштымов и более позднее время в XVII веке.

Кыштымства, как известно, есть данническая или вассальная зависимость, которая чаще всего возникла в результате победы одного племени над другим. Но имелось и кыштымства

внутриплеменное, как власть одного «верховного» или «аристократического рода» над другим. Чаще эти «роды» были на деле территориальными общинами или административными – военными группами. Иногда «слабые» роды сами вступали в отношения кыштымства, стремясь приобрести военную защиту от «сильного» рода ценой феодальной – даннической зависимости и выплаты оброка.

Завоеванные земли были разделены хакасскими феодалами на *беги*, т. е. на уделы – крупные феодальные владения. Каждый бег был передан каганом в качестве феодального надела во владение семье одного из военачальников – бегов.

Владение всем бегом было наследственным и передавалось от отца к старшему сыну, причем какие-то части бегов выделялись и для младших братьев. Стоявшие во главе бегов крупные феодалы имели различные титулы, определявшие их должностным положением в системе каганата. В управлении бегом они опирались на своих сородичей из хакасов, свободное мужское население которых составляло военную дружину каждого из таких феодалов (в надписях: кадаш, алып, эр – товарищ, герой, муж и др.) **(80, с. 123)**. Однако верной опорой хакасских феодалов была также феодальная знать местных племен (в надписях: эр – товарищ, приятель, друг). Прочее население бега состояло из ряда категорий феодальное – зависимых людей и кыштымов (хакасов и местных жителей) и называлось в надписях просто народ или «черный народ» (кара бодун) **(80, с. 123)**.

В военном – административном отношении все население завоеванных земель было подчинено назначенному каганом владельцу одного из бегов. Такие наместники каганов менялись.

На основании распространения талы сейчас можно приблизительно установить территории отдельных феодальных владений – бегов.

Таким образом, основой феодальных отношений в древне хакасском государстве в IX–XII веках была феодальная собственность на землю, как на главное средство производства.

При этом бег являлся феодальным уделом, собственностью одной семьи. Следовательно, при разделении страны в основу был положен удельный – территориальный принцип. В тот или иной бег входили различные уже смешанные родоплеменные группы. Но род – это уже не община кровнородственных семей, а феодальный по своему существу институт. Высшая служилая знать, получая феодальные владения (баи) на освобожденных и вновь завоеванных землях, создавала основную опору государства, высшей класс феодалов – бегство. Но довольно скоро развиваются центробежные силы и окрепшие удельные баи постепенно стараются обособиться, обрести независимость от верховной власти каганата. Именно против этого был направлен существовавший в древне хакасском государстве институт эля – организация власти, связанного кровным родством аристократического рода «киргиз».

Феодальная собственность на основные средства производства у уйгуров, как и у ряда народов, пришла на смену первобытнообщинной. Право собственности феодалов на землю и скот зарождалось вместе с правом управлять и территорией, которую занимали люди, подчиненные феодалом. Глава племени или союза племен постепенно сосредотачивал в своих руках всю полноту гражданской и военной власти, а рядовые уйгуры – кочевники и их старейшины вынуждены были признавать эту власть. Глава племени или союза племен, имея дружину, стремился сделать власть свою наследственной.

Верховным носителем права собственности на всю землю государства являлся уйгурский каган, а тот, кто пользовался землей, обязан был платить долю продукта или же нести государственную службу своему господину.

Своеобразие географических и климатических условий в притязание имело немаловажное значение для развития форм землевладения. Земледелие было преимущественно поливным, и важнейшая обязанность общины состояло в поддержании в исправности ирригационной системы. Все эти обстоятельства

необходимо учитывать при рассмотрении вопросов землевладения в Уйгурском государстве.

При изучении уйгурских документов и других источников выявлены государственные земли, земли принадлежащие идикуту и другим феодалам, монастырям, монахам, торговцам, крестьянам.

Государственные земли. Рассмотрение категорий феодального землевладения в уйгурском государстве необходимо начать с государственных земель. Под этой категорией разумеются лишь те земли, которые были переданы в постоянное или временное владения феодалу, религиозному учреждению или крестьянину. Они состоят из пустынных земель, лесов, пастбищ, конфискованных земель и садов, заповедников. Оросительные каналы также могли быть государственными. Казенные земли, с одной стороны, уменьшались в результате передачи некоторой части их крестьянам, религиозным учреждениям или феодалам с другой – увеличивались за счет конфискованных или вновь объединенных площадей.

После монгольского завоевания, в Уйгурском государстве монголы не изменили этой формы землевладения.

Мелкое крестьянское землевладение. Преобладающая часть крестьян владела землями, полученными от государства в наследственное владение. Государство старалось сохранить эту категорию земель рядом мероприятий, поскольку крестьяне, владельцы мелких участков земли, представляли основную массу налогоплательщиков. Сокращение же крестьянского землевладения могло привести к уменьшению поступления налогов.

Крестьяне в сельской общине, получившие землю, распределялись по десяткам, выполнявшим роль административной единицы.

Весь десяток отвечал за каждого своего члена перед администрацией за своевременную уплату налогов, за отбывание трудовой повинности, за благонадежность **(107, с. 123)**.

Индивидуальное владение крестьянина землей мы встречаем в конце VIII века (**107, с. 1220**). Мелкое крестьянское землевладение, возникнув рано, сохранялось в период расцвета феодальных отношений, не поглотилось и крупной феодальной собственностью.

В связи с крестьянским землевладением необходимо коснуться аренды. На основании ряда свидетельств создается впечатление, что аренда в уйгурском государстве была широко распространена. Одну из причин этого важного фактора для развития экономики и крестьянского хозяйства следует видеть в недостатке обводненной орошаемой земли.

Хотя данные об аренде ограничены, все же можно сделать некоторые выводы общего характера, прежде всего, необходимо обратить внимание на то, что аренда была краткосрочной. Земли сдавались в аренду на один сезон.

Господствующей формой аренды была издольная, и плату за нее арендатор платил натурой. На земле, сдаваемой в аренду, числились повинности перед верховным носителем права собственности, которые могли выполняться как владельцем земли, так и арендатором.

Права крестьян на земельные наделы были различные. В большинстве случаев получали от государства землю в бессрочное наследственное владения с правом сдавать в аренду и продавать. Такая форма землевладения напоминала полную собственность, но не была ею (**107, с. 124**).

Одновременно с бессрочным наследственным владением землей существовала краткосрочная аренда и частная собственность.

Одним из важных условий существования мелкого крестьянского землевладения являлось то, что сельское население преобладало и земледелие было его основным занятием.

Заповедники – кориги. Заповедные земли в уйгурском государстве являлись собственностью идикута, членов его рода и приби-

лиженных. В уйгурских документах заповедные земли называются термином *кориги* (курук, или по монгольски – хориг).

Термин *кориги* привлекал внимание ряда ученых. В.В.Бартольд, Б.Я. Владимирцев рассмотрели его значение в Средней Азии, у монголов. Этим термином обозначались пастбища, охотничьи угодья, кладбища ханские, дворцы, принадлежавшие ханскому роду и высшим представителям класса феодалов. Следовательно, кориги как заповедники представляли феодальную собственность.

Хан и представители высшей духовной знати могли захватывать пастбища, леса, воду и считать их заповедными. Для охраны заповедников назначались специальные люди.

Инджу. Феодальное землевладение *инджу* получило широкое распространение в Уйгурском государстве. Инджу – феодальное землевладение высшего слоя знати. Отдельные свидетельства не дают достаточно ясной картины о размерах землевладения о том, как использовались земли и т. д. В числе высшего сословия были, прежде всего, само ханы.

Большое место у уйгуров занимала феодальная собственность среднего слоя чиновников, военной знати и духовенства. Она образовывалась за счет пожалования инджу и скупки крестьянских земель. Эта часть класса феодалов была многочисленной и с укреплением государственного аппарата сильно росла.

В ряде документов имеются указания на наличие земель инджу, принадлежавших и не членам правящего рода. Таким образом, земли – инджу имели не только члены правящего рода, но и мелкие феодалы и духовные лица. Причем инджу необязательно должно представлять обширную территорию с особыми административными правами. Земельное владение инджу могло быть небольшим виноградником или садом. Следовательно термином инджу обозначалось как крупное, так и мелкое феодальное землевладение. Судя по правам владельцев инджу и по тому, кем они обрабатывались, можно сказать, что

инджу владения напоминают собой поместное землевладение, среднеазиатскую икту (107, с. 133).

Икта в Караханидском государстве подробно рассмотрена А.Ю. Якубовским при определении основных периодов истории Средней Азии с VI по XV века. Он писал, что в период с XI века до начала XIII века «характерной чертой икта был путь от икта в смысле взимания доходов с крестьян к икта в смысле права владения не только доходами. Но и землей и рабочей силой крестьян, т. е. путь от икта к лену – феодалу» (106, с. 133). В уйгурских документах не удалось обнаружить право владельцев инджу взимать с свою пользу налоги. Крестьяне отбывали им повинность, налоги вносились государству.

Владельцы земель – инджу имели налоговой иммунитет, но крестьяне, обрабатывающие эти земли не получали освобождения от уплаты податей и несения трудовой повинности.

При рассмотрении феодальной собственности не следует ограничиваться одним термином инджу. На примере заповедников – кориги уже было показано наличие феодальной собственности, обозначавшийся другими терминами.

Феодал был полным собственником земли: он мог ее продать, передать по наследству, сдать в аренду, подарить и т. д.

Земли духовенства. Усилению феодальной эксплуатации всегда большое содействие оказывала религия с ее одурманивающим идеологическим воздействием на сознание людей, господствующее положение у уйгуров занимал буддизм. Также исповедовались манихейство и христианство, но не играли такой роли, как буддизм. Буддийские монастыри и храмы возникали по всей стране. Религиозные учреждения в Уйгурском государстве были крупными владельцами земли. Земли, принадлежащие духовенству, обозначались термином Самгина (сангик). Владения религиозных учреждений освобождались от уплаты налогов и несения трудовой повинности; они жаловались монастырями в полное владение. Право на эти земли монастыри сохраняли за собой постоянно, и новый хан, выступая

на престол, подтверждал это право специальным ярлыком. Грамоты о пожаловании земель, вод, лесных угодий с освобождением от всех налогов и сборов давались духовенству не только самими ханами, но и членами правящего рода, имевшими уделы.

Причина предоставления религиозным учреждением таких значительных привилегий заключалась в следующем: закрепить господство над покоренными народами значительно легче, если привлечь на свою сторону духовенство.

Частное землевладение образовалось путем скупки земель и не было связано с пожалованием и выдачей наделов от государства. Владелец земли, как явствует из документов, рассматривал ее как свою полную собственность и передал по наследству, делил между наследниками, продавал сам и это продажи переходило наследником.

Наличие таких земель на Востоке явление не исключительное. Они были в Средней Азии. В Иране, в Закавказье. Мульки, и мильки, свободно продавались и передавались по наследству, они считались полной собственностью.

Источники сообщают сведения о таком важном условии земледелия в Центральной Азии, как вода. Безусловно феодал, владея оросительными каналами, мог поставить в полную зависимость крестьянина, разорить его и превратить его в крепостного.

Права на воду жаловались отдельно. Продавая дом, землевладелец особо оговаривал продажу воды (**107, с. 133**). Поскольку система регулирования воды находилась в руках феодалов, то они использовали свое положение в целях закабаления крестьянина.

В Уйгурском государстве было два основных политических класса – это класс *феодалов* и класс феодалное – зависимых *крестьян*.

Во главе Уйгурского государства стоял *идикут*, который был крупнейшим из феодалов и земледельцев. Высший слой

уйгурского общества составляли, кроме *идукута* и членов его рода, девять *везирей*. В уйгурских документах *везиря* называли *улчи*.

К высшей знати относились тарханы – высшее сословие, не платившее налогов государственную казну. Средний и низший слои феодалов составляли малочисленную часть. Они назывались *елчи* и беки.

Идикут располагал огромным штатом чиновников: *ту-тук*, *ябгу*, *башлык* – *акичи* (главный казначей), *сувчи* (распорядитель воды) и многие другие.

После подчинения уйгуров монголам встречается среди чиновников и знатных сановников чин даруга, которому Чингисхан даровал золотую пайцзу. Роль даруги была следующая: идикуты как и прежде оставались правителями в своем государстве, но управление всеми сторонами жизни шло при участии даруги (107, с. 151).

Их основными обязанностями, по мнению В.В.Бартольда, были: 1) перепись жителей, 2) набор войска из местного населения, 3) устройство почтовых сообщений, 4) сбор податей и налогов, 5) доставление дани ко двору, 6) контроль за Деятельностью местных властей.

Термин «даруга» в значении высшего начальника над всеми поступлениями в казну употреблялся позднее, главным образом в Золотой Орде. Интересны взгляды Насонова о должности баскака и даруги на Руси в XIII-XIV веках. Согласно русскими источникам, баскака надо рассматривать как военачальника, державшего «в повиновении покоренное население». Обязанностью же даруги являлось « перепись населения, сбор дани и поставка его ко двору».

Подобной была и политика правителей тюркского каганата в отношении завоеванных территорий, рассмотренная нами выше. Роль даруги в этом исполняли тутуки. Целью подобной политики было значительно ослабить власть и ограничить права местных правителей и власть их владения в свою империю.

Так, мы разобрались с классом феодалов в уйгурском обществе. Теперь перейдем к классу крестьян. Наиболее многочисленная часть крестьян относилась к государственным, и не состояла в частной зависимости от феодалов и чиновников. В уйгурских источниках того времени имеются термины, которыми обозначались различные категории крестьян: каланчи, *инджу*, *кувак*, *тутук* (107, с. 154). Имеются в источниках и термины, обозначавшие *рабов*, *кул*, *карабаш*, *кунг*. Каждая категория крестьян находилась в различном правовом положении. Государственные крестьяне жили общиной, обрабатывали землю, полученную от государства, и несли повинную в пользу казны. Они не стояли в частной зависимости от феодалов и платили государству налог – *калан*. Этих крестьян называли *каланчи*. Если же крестьянин не мог уплатить налог, то он должен *кувак* (тягло, повинность). *Кувак* также был распространен и среди частного – зависимых крестьян. Термин «кувак» здесь рассматривается как барщина (107, с. 160).

В период господства монголов появляется новый термин «инджу» обозначавший пожалованные земли и людей. Прикрепленные к земле крестьяне в условиях дальнейшего развития феодальных отношений стали превращаться в *уруг* (родовых, семейных), т. е. в категорию крестьян, переходящих по наследству. Словом «инджу» также обозначалась форма личной зависимости.

А.К. Кабиров считал, что «инджу» называли ту группу крестьян, которые должны были отбывать барщину в инджу членов ханского рода и феодалов землевладельцев, которые имели в своем распоряжении земельное владение – *инджу*. Крестьяне *инджу* во многом по своим обязательствам сходились с крепостными (107, с. 162). Термин этот стал выражать феодальную форму зависимости, право получения ренты (107, с. 163-164).

Что касается рабства, то оно рабство было долговым, а также в качестве рабов использовались в хозяйстве и военнопленные.

ГЛАВА IV

ЗЕМЕЛЬНАЯ СОБСТВЕННОСТЬ В ТЮРКСКИХ ГОСУДАРСТВАХ В XIII-XVI вв.

Рассматривая земельные отношения в XIII-XVI веках, нельзя не коснуться монгольского нашествия, оказавшего огромное влияние на судьбы многих народов и государства в Центральной и Средней Азии, в том числе и тюроков.

Как известно, все завоеванные монгольскими войсками страны входили в состав империи, во главе которой стоял род Чингисхана. Вся земля империи объявлялась собственностью ханского рода и была распределена между потомками Чингисхана в виде улусов (106, с. 64).

Феодалы завоеванных стран, покорившиеся монголам, наравне с монгольскими феодалами и другими военачальниками в ленной зависимости от Чингизидов, сохранив за собой родовые владения, вошедшие как отдельные части в состав больших улусов.

Основываясь на письменных источниках и нормах права (Яса Чингисхана и другие), Б.Я. Владимирцев раскрывает основу феодальных отношений у монголов. О том, кто является собственником земель, годных для кочевания в Монголии периода Чингисхана, он писал: «Наши источники определенно указывают, что *нутуг (йурт)*, т.е. пространство земли, достаточное для содержания той или другой кочевой единицы, считается принадлежащим господину – *нойон*, или царевичу – *кюбезци*. Ведь все монголы, знатные и незнатные, «*нойон*»ы и «*бозолжид*»ы, все «принадлежали» какой – нибудь сеньору (нойан)... Раз сеньор владел людьми, то естественно. Должен был владеть и землей, на которой они могли жить, кочевать. Всякий сеньор поэтому, получая во владение или в управление

улус – народ, непременно получал определенный юрт, *нутуь*... Удел – *хиби* состоял из двух частей: из определенного количества кочевых семейств (улус) и достаточного их содержания ... угодий (*нутуь*)» (35, с. 111).

Свои феодальные земельные отношения монголы усердно наслаждались в завоеванных странах.

Следует отметить, что в XIII веке в период монгольского завоевания Азии, кочевые племена, населявшие эти земли, стояли почти на одинаковом уровне на общественно – экономического развития с монголами (40, с. 95). Монголы, оставшиеся в завоеванных районах, вскоре полностью были ассимилированы местным населением. Произошло слияние монгольской и тюркской знати, составившей единый слой степной аристократии. Следовательно, общественное развитие тюрков и в последующий период происходило, за малым исключением, на местной основе.

Завершение феодализации общества происходило на базе феодальной собственности на землю, модно отнести к XIII–XIV векам, когда население степей Дешт–и–Кипчак находилось в составе Золотой Орды, (или Улуса Джучи).

Все земельные массивы в пределах Орды являлись собственностью ханского дома Джучи. Отвод определенной части территории Орды с кочующим на ней населением в качестве уделов производится непосредственно вышестоящим в Орда ханом. «Несомненно, что члены ханского дома были самыми крупными феодалами, державшими в своей собственности не только огромное количество скота, обширные пастбища, но даже и земли в районах оседлой жизни» (40, с. 104).

Правами последующего распределения земель внутри отдельных владений (уделов) обладал тот, кому было пожаловано данное владение.

В этом отношении содержат интересные данные труды европейских и арабских путешественников, посетивших в XIII–XV веках владения монгольских завоевателей.

Например, Абуль – Гази сообщает, что хан Батый по возвращении из похода в Россию, распределяя завоеванные земли между царевичами, повелевал: « В этом походе ты (ичен – старший сын хана Джучи) содействовал окончанию нашего дела, то в удел тебе отдается народ, состоявший из 15 тысяч семейств, в том месте, где жил отец твой» (53, с. 36). «Юрт, в котором ты будешь между моим юртом и старшего брата Ичена...» (53, с. 37), как видно, границы владений были определенные самим ханом.

Плано Карпини свидетельствует о наличии в монгольских владениях иерархической системы землевладения. «Никто не смеет пребывать в какой-нибудь стране, - пишет о, - если где император не укажет ему. Сам же он указывает, где пребывать вождям, вожди же указывает тысячникам, тысячники сотникам, сотники же десятникам» (94, с. 91).

Особенно ценным для раскрытия характера и сущности феодальной земельной собственности у тюрков Золотой Орды является описание известного путешественника Рубрука, где речь идет о строгой определенности границ пастбищных земель феодалов. Он указывает, что феодалы непосредственно распоряжались, кому из зависимых крестьян, где и в какое время года пасти скот (94, с. 45).

Ценные сведения о наличии крупных земельных владений у знатных лиц Золотой Орды мы находим в сообщениях арабского путешественника Ибн – Батуты. Об Узбек – хане он пишет, что хан – «обладатель огромного царства, силен могуществом... владения его обширны и города велики» (53, с. 38).

Феодалы ревностно охраняли право единоличного владения землей, даже своим подвластным запрещая пасти на ней скот и охотиться. В случае нарушения запрета виновные подвергались наказанию.

Из-за права владения определенными территориями происходила ожесточенная борьба между представителями феодальной знати. О междоусобицах из-за владений Чингис-

хана говорит Рашид-ад-Дин. Он рассказывает о жалобе царевича Борака на притеснения со стороны своих родичей: «Кайду и Менгу Тимур восстали на меня из-за этого владения и гонят меня, печального и смущенного по свету» (100).

В период расцвета монгольской империи и ханств, возглавляемых потоками Чингисхана, собственниками земель признавались, за редким исключением, только Чингизиды (53, с. 40).

Пополнению рядов собственников земель способствовали феодальные институты. Улусные ханы ввиду обширных размеров владений были не в состоянии управлять ими без создания опоры внутри них. Усобицы приняли такой размах, что каждый ханский дом был вынужден содержать значительное войско и окружать себя верными людьми из среды местной знати и военачальников. Их верность ханской власти обеспечивалась пожалованием владений на условиях ценной системы. Лицо, получившее удел, наделялось правом взимания с подвластного населения подати. Но за это «ленник обязывался, как и в прежние времена, в случае надобности являться к своему государю с отрядом воинов, снаряженных за его счет» (53, с. 117). На этой основе зарождался новый слой феодалов, обладавших землей сначала на основе условного держания.

Прежде чем охарактеризовать эту форму землевладения, коротко остановиться на том, какими правовыми средствами регулировалась административная и политическая жизни в ханстве, где господствовали Чингизиды. Б.Д. Греков, А.Ю. Якубовский и многие другие авторы отмечают, что в Золотой Орде и во всех других монгольских государствах издавалось много указов, приказов, дарственных и охранных грамот и обще-государственного и частного характера. Они представляли собой правительственные повеления, облеченные в правовую форму, и носили названия ярлыков. Сначала они исходили только от монгольской центральной власти, а затем давались и улусными ханами.

Ханские ярлыки играют важную роль при разработке вопросов общественного строя ханств. Должная оценка вопросов им была дана в свое время В. Григорьевым. «Мы думаем, - писал он, -... что ярлыки (ханов Золотой Орды), суть одни из самых замечательных памятников нашей древности... Они содержат в себе много драгоценных исторических фактов и указаний...» (53, с. 41).

Следует отметить, что практика дачи и получения ханских ярлыков имела место со времен смерти Чингисхана.

Как правило, вновь вошедший на престол хан пересматривал созданное до него законодательство или, по крайней мере основные ярлыки, изданные его предшественниками, с тем, чтобы аннулировать устаревшие или изменить ранее данные ярлыки, противоречащие его намерениям.

Подобная практика, очевидно была вызвана необходимостью наведения определенного порядка в управлении. Дело в том, что в Монгольских владениях второй половины XIII века и первой половины XIV века многочисленные допускали при несении службы большие злоупотребления. Это сказывалось на экономическое мощи ханства. Кроме того, все больше увеличивалось числе приви легированных лиц – обладателей икта, *пайцз* (мандаты) и тарханных грамот, получивших привилегии путем подкупа, что также сказывалось на финансовых делах ханств.

Например, в начале XVI века Газан-хан с целью наведения порядка «разослал во все владения ярлыки, все в одинаковых выражениях, заключающие в себе (приказ), чтобы баскаки, *мелики и хакимы* областей тоже совсем не внимали и на придавали значения старым ярлыкам и *пайцзам*, которые находятся в руках людей» (100, с. 288-289).

Не имея возможности в рамках данной работы дать характеристику обычного права и писаных законов исследуемого периода, остановился лишь на тех ярлыках, которые в той иной мере касались земельных отношений.

Значительная часть ханских ярлыков представляла собой акты о земельном пожаловании представителям феодальной знати и духовенству. При этом жаловались вместе с живущими на ней крестьянами. Земельные пожалования были распространены еще при жизни Чингисхана, в пределах Золотой Орды расцвет их относится ко второй половине XIII и первой половине XIV века (**41, с. 137**).

В XIII - XIV вв. ханы прибегали к расширению вассальных отношений, к созданию сравнительно небольших владений, во главе которых должны были стоять верные феодалы, составляющие опору хана.

Улусные ханы стремились к укреплению своего могущества, необходимого для обеспечения себе независимого от центральной монгольской власти положения. Многим из них это удалось еще во второй половине XIII века. Как утверждает А.Ю.Якубовский Золотая Орда, государство Хулагидов и Чагатайское государство «были самостоятельны, независимы, ни чем даже не согласуя свою политику с великими ханами» (**41, с. 124**).

В сложившихся условиях получила большое распространение ленная система землевладения.

В Золотой Орде и улусах Хулагидов и Чагатайнидов эта форма земельных отношений нашла отражение в трех феодальных институтах: икта, *тарханство и союргал*.

Как уже указывалось, институт икта возник и был распространен еще до монгольского завоевания. В период завоевательных войн монголов его существование было прекращено, а земля, выделенные раньше в икта, перешли в полную собственность Чингизидов, что подтверждает высказывание Рашид-ад-Дина о том, что в начале в монгольском войске не полагалась выдача жалованья, средств не обмундирование, а также земель в икта (**6, с. 170**).

Однако, в конце XIII – начале XIV века в отдельных монгольских улусах наблюдается возрождение этого института.

Например, в государстве Хулагидов одним из наиболее распространенных видов ярлыков было пожалование земель в икта. По свидетельству Рашид-ад-Дина, в 1303-году Газан-хан «счастливо рассудил...области из (наших) владений, ... определил всему войску икта (в областях) от реки Амуйе до Мисра и распределил их», оставив в своем исключительном распоряжении несколько областей, которые не являлись местом прохождения и пребывания войск (**93, с. 154**).

Из этого следует, что при Газан-хане огромная территория его ханства была пожалована дружинникам в ленное владение и строго распределена между представителями военной аристократии, которые выступали в качестве «вассала – субъекта» права пользования уделом.

Институт икта начиная с XI по XIII век, прошел определенную эволюцию от предоставления права на получение ренты к передаче права на землю и частично на сидящих на земле крестьян. «Уже в XII веке, в Средней Азии, владетель икта имел почти неограниченную власть над населением территории «икта» и только райяты (крестьяне) последней не были еще лишены права перехода» (**93, с. 155**). По мнению того же Петрушевского, икта как особый тип феодального владения сделался наследственным лишь в монгольское время, т. е. XIII-XIV вв. «Владельцы икта монгольского периода пользовались налоговым иммунитетом, но их земли не были изъяты из подчинения чиновникам центрального государственного аппарата» в отличие от сюрприза (**93, с. 157**).

Использование икта осуществлялось в двух формах.

Первая, наиболее распространенная выражалась в том, что те участки, на которых сидели крестьяне – земледельцы, были сохранены за последними, и не земледельцы, были сохранены за последними, и « у военных над райятами нет власти выше, как только заставлять их возделывать (землю) их деревень и получать с них исправно установленные диваном налог и подати» (**100, с. 293**).

Вторая форма пользования землей, которая должна была использоваться самими дружинниками.

Доходы с этих земель, независимо от того, кто их обрабатывал, шли непосредственно а пользу получателя икта, тогда как до этого они вносились в пользу трона. Как отличается в источниках, икта введено для того, чтобы « во время усердной службы и выступления в походе» войско имело «силу, состояние и способность защищать владения, ибо ось вращения, устойчивость и порядок государства зависят от него» (100, с. 293).

Порядок пожалования и сущность икта в основных своих чертах повторяли черты того же феодального института, который функционировал в Средней Азии еще в XI-XII веках.

Как земледельцам, так и кочевникам монгольских владений был хорошо известен институт тарханства, тарханный порядок земле владения.

Правовым основанием возникновения этой формы землевладения были так же ханские ярлыки, которые предусматривали большие льготы. Земля, находившаяся в собственности у тарханов, почти всегда была освобождена от податей и повинностей в пользу казны. Из дошедших до нас ярлыков, выданных ханами Золотой Орды, видно, что тарханные земли жаловались представителям светской власти, но известны случаи, когда имело место пожалование земель и духовенству. Это было распространенным явлением в улусах Джагатай и Джучи, особенно в период властвования Тимура в Средней Азии, Узбек-хана и других в Золотой Орде.

В Золотой Орде обладателями льготных ярлыков являлись представители как мусульманской, так и православной религии.

В сообщениях арабского путешественника Ибн – Батуты, мы находим указание о пожаловании Узбек – ханом земельных угодий в тарханство ходже (тюркскому паломнику) (53, с. 47). Ибн – Батута дает также пояснения слову тархан, имеющее

большую ценность для характеристики этого института. Он писал: *«Тархан значит у них место, изъятое от податей»* (100, с. 301).

Относительно полную характеристику понятия тархан как звания дает Абуль – Гази *«Тархан означает такого человека, с которого не берут дани; когда он приходит в дом хана, его никто не может остановить... Если он сделает преступление, то с него до девяти вин не взыскивается; после десятой он уже подвергается взыску. Это право переходит и на его потомство до девятого рода»* (53, с. 47).

Звания тархана удостаивался феодал, имевший большие заслуги перед тронем, проявлявший особое усердие в отправлении службы или в ведении войны в пользу ханского дома. Причем, звание тархана давалось необязательно крупным феодалом (41, с. 105-106).

Следующим, не менее важным и распространенным феодальным институтом, являлся *союргал* (от монгольского слова «союргамишин», что означает по утверждению Али-заде А.А. «благоволение», «пожалование») (6, с. 184).

Большое распространение тот институт получает во второй половине XIII и в XIV вв., став в условиях Золотой Орды и Средней Азии основной формой ленного землевладения. Система союргалов широко внедрялась Тимурам, поэтому более подробно данный феодальный институт рассмотрим далее, в следующем разделе.

Крупными землевладельцами были также представители духовенства. Такие земли, как уже отмечалось, носили наименование *вакфа*. Объектом права вакфапользования являлась не просто земля, а земля орошаемая. Вместе с землей и водой в собственность вакфодателя переходила вся оросительная система, сооруженная на этой земле. Право управления вакфом могло перейти по наследству. Охрана неприкосновенности вакфа предусматривалась нормами шариата, объявлявшего его «вечным, неистощимым» и «ненарушимым».

Доходы со всех земель, объявленных вакфом, поступали в казну духовенства. Или распоряжался – духовное лицо – *мутовали*. Права мутовали по управлению вакфным хозяйством и землями были ограничены. Например, «вакуф должен быть сохранен в целости, в том само виде, из чего он состоит» (53, с. 51).

Перейти в вакф могли как земли с сидящими на них крестьянами, так и свободные, независимые земли. Пользование такими землями осуществлялось на началах издольной аренды.

Земельная пожалования, производимые чингизидами, были направлены по созданию и развитие разветвленных вассальных отношений, без которых невозможно укрепление политического могущества ханской власти.

Общественное положение класса феодалов определялось экономической основой – феодальной собственностью на землю. Крупнейшими феодалами, державшими в своей собственности огромное количество земель, были члены ханского рода. В своих владениях они держали себя почти как самостоятельные государи (Ногай, Кутлуг – Тимур). Огромную роль члены ханского рода играли при дворе, определяя не только всю внутреннюю, но и внешнюю политику. Ниже членов ханского дома стояли крупные беги (тюркский титул) и нойоны (монгольский титул), а также *огланы*, *тарханы* и др.

Из этой категории высшего класса Золотой Ординское общества и выходил командный состав ханского войска.

В ярлыке Кутлуг – Тимура, данному крупному землевладельцу Мухаммеду, сыну ходжи Байрама, упоминаются две категории крестьян: *сабанчи и утракчи*. *Сабанчи*, по мнению Березина И., - это «зависимые от соответствующего господина земледельцы» (41, с. 111). Крестьянин – сабанчи – рядовой член сельской общины, основная фигура землевладельческого труда. Что касается термина утракчи, то в лице этой категории возделывателей земли мы имеем широко распространенных на

феодалном Востоке исполщиков, работавших на кабальных условиях.

Источники не дают прямого и точного ответа на вопрос: было ли прикрепление крестьян к земле в Золотой Орде. Напомним, что ко времени Хулагида Газан – хана (1295-1304) в его государстве впервые делается попытка официального прикрепления к земле (указ. 1303 года – о тридцатилетнем сыске беглых крестьян).

В связи с рассматриваемым вопросом приведем следующее высказывание Петрушевского в своей статье «О прикреплении крестьян в Иране в эпоху монгольского владычества»: «Распространение монгольского взгляда на зависимых крестьян как на личную собственность господ нашло свое выражение в том, что крестьян райятов (конечно местных жителей, а не монголов) в монгольскую эпоху в Иране иногда (не официально, а в быту) приравнивали к рабам – смешение раньше невозможно в мусульманских странах» (93, с. 63-65). Указные факты дают нам право предположить, что подобное явление наблюдалось и в Золотой Орде, где монгольская знать в лице ханов и нойонов привыкла располагать не только имуществом, но и личностью своих подданных.

Что касается рабов в Золотой Орде, то качестве рабочей силы они не играли основной роли, но в качества товара занимали большое место.

В условиях Золотой Орды рассматриваемого периода основной формой ренты выступала отработочная рента. Но наряду с отработочной системой возникают и натуральные повинности. к сожалению мы не располагаем, на данный момент, достоверными данными о том, какие именно подати или натуральные повинности и в каких точно размерах взимались они с населения.

Однако вполне определенно можно говорить о виде подати, известно в отдельных источниках и литературе под названием «*коччур*» (53, с. 56).

Взиманием копчура было введено монголами в завоеванных странах. Наряду с денежным налогом и другими повинностями копчур в XIII –XIV вв. Существовал и во владениях Хулагидов.

Рашид-ад-Дин по этому поводу пишет: «Прежде, во времена наших славных отцов, на монгольский улус налагались разного рода повинности и тяготы, вроде больших ямов, несения времени сурового ясака...» (100, с. 292).

Размеры тех или иных повинностей зависели зачастую от реальной силы и влияния владетельного лица, в пользу которого они вносились. Об этом свидетельствовал Плано Карпини: «Император и вожди (чингизиды и другие крупные феодалы) берут их (у крестьян) имущества все, что не захотят и сколько хотят» (94, с. 46).

Результатом непосильных налогов и податей явилось разорение и обнищание трудящегося населения, нередко прибегавшего к борьбе против своих эксплуататоров.

Тимур, отличавшийся большим военным и государственным талантом, был сыном своей эпохи. Живя в условиях вполне сложившихся феодальных отношений, он стал их активным проводником. Объединяя феодальные владения в Средней Азии и захватив соседние страны. Тиму стремился создать большую державу, которая простиралась бы от Средиземноморья до Тихого океана. В Самарканд – его столицу текли несметные богатства. Огромным государством Тимур управлял через своих сыновей, внуков и приближенных, назначив их правителями.

При Тимуре и тимуридах существовали следующие категории земельной собственности: государственные, вакфные, мульковые, союзгальные земли.

Рассмотрим отдельно каждую из названных категорий земельной собственности, существовавших в XIV-XV вв.

В средневековой Средней Азии государственная собственность на землю соединялась с общинным и мелким частным

крестьянским землепользованием. Государство в этом случае выступало в качестве непосредственного эксплуататора как крестьян – общинников, так и крестьян – единоличников.

Как явствует из данных исторических и документальных источников, государственные земли к интересующему нас времени становятся известными под названием мамлака. Помимо сведений передаче государственных земель в сююргал, упоминание о землях мамалака содержится в вакфных документах при определении границ обращаемых в вакф земельных участков.

Так, например в вакфном документе времени Тимура, составленном в 1389 году указано, что одна из границ обращенного в вакф земельного участка примыкала к государственным землям (заминхо и мамлака) (117, с. 56-57).

Некоторые сведения о существовании общинных землепользований при Тимуре и тимуридах мы находим в вакфных грамотах этого времени, где упоминаются и земли, находящиеся в общем пользовании определенной группы людей. Так, в вакфном документе времени Тимура при описании границ обращенной в вакф пашни Телп – и Хинуван, указывается, что восточная граница ее примыкает к землям, которые называются *бахши* и находятся во владении определенной группы (племени) людей (112, с. 56-57). В другом месте говорится что граница участка примыкает отчасти государственным землям и отчасти к землям, которые находятся во владении определенного племени (дар тасарруфи тайфаи муаййаям аст) (112, с. 57).

Помимо общинных земель, к государственным землям следует отнести и земли, на которых были заложены многочисленные сады тимуридов.

Ленное (сююргалы) и тарханное земле владение. Государственные земли послужили фондом для образования особой категории условного землевладения – сююргала.

В институте сююргала военная – ленная система, начальным этапом которой был институт икта, нашла наиболее полное выражение и развитие. Основой сююргала и связанного с ним

иммунитета (муафи) был рост крупного военного – феодального землевладения и лежащее в природе феодализма верховенство феодала в военном деле и суде, как атрибут земельной собственности (93, с. 151).

Институт сююргала, являющийся дальнейшим развитием института икта в Иране, засвидетельствован с середины XIV века при Джелаиридах (93, с. 273). Мы согласны с мнением Беленицкого, что «начало применения термина «сююргал» следует отнести к 40-м годам XIV века, когда в Средней Азии власть ханов из потомков Чагатая фактически была низведена на нет, и полное преобладание получали предводители тюрко – монгольских племен, заинтересованных в территориально – земельных владениях.

По мнению И.П.Петрушевского, характерными признаками сююргалов этого времени (XIV-XVI вв.) является: 1) обусловленность владения несением службы государю; 2)налоговый иммунитет, т. е. право владельца взимает в свою пользу все лежащие на крестьянах налоги и повинности, которые до того ли в пользу государства; 3) административно – судебной иммунитет, т. е. право владельца не допускать на территорию сююргала ханские чиновников, в том числе и судей, иначе говоря, право от своего имени осуществлять установление порядка и творить суд через зависящих от владельца казиев; 4) наследственность владения (31).

Вначале передачи земель в сююргал носили временный характер. Владелец сююргала юридически не являлся собственником пожалованного владения. Собственником такого владения продолжало оставаться государство. Размеры земельных участков, выдаваемых представителями государственной власти тому или иному лицу на основе ленной службы, были разные. Лица, получившие сююргальные владения, управляли им как вассальные правители. Иногда эти владения с санкции верховного правителя переходили о наследству. Владелец полностью или частично распоряжался доходами сююргальных земель.

Следует отметить, что время правления Тимура и тимуридов является периодом, когда передача земли в союргал получила дальнейшее развитие. Об этом свидетельствуют многочисленные сообщения, встречающиеся в источниках этого периода. Факты говоря о том, что в большинстве случаев земельные наделы (союргал) выдавались тому или иному эмиру, военачальнику или даже отдельным воинам в качестве вознаграждения за долголетнюю преданную службу, а также были случаи, когда земельные наделы получали отдельные чиновники из государственного аппарата. Союргалы давались и представителям высшего духовенства.

Одним из ранних союргалов была передача Тимуром округа Радкан в Хорасане известному военачальнику Шейх Али Бахадур за проявление храбрости в походе против хорасанского эмира Алибека в 1381-1382 годах.

Духовный наставник Тимура Сейид Барака получил в качестве союргала город Андхой, который в течение XV века находился в руках потомков этого старца (**14, с. 117**).

Были случаи, когда Тимур жаловал союргалом сразу большую группу отличившихся в походах людей. Так, во время возвращения в Самарканд из Индийского похода в 1399 году «его величество каждого стоявшего (при нем на службу) бахадура пожаловал леном» (**38, с. 176-177**).

Необходимо отметить, что при Тимуре в большинстве случаев пожалование земли в союргал носило временный характер и не переходило по наследству. Пожалование земли в союргал с правом передачи ее наследству, т.е. «вечный союргал», производилось, по – видимому, в исключительно редких случаях. Это видно из того, что помимо единственного случая передачи земли «вечный» союргал, о котором речь шла выше, другого сообщения такого характера в источниках не содержится.

Дальнейшим этапом развития института союргала является время правления Шахроха. Сразу после смерти Тимура,

когда между его наследниками разгорелась ожесточенная Борьба за власть, Шахрох в целях привлечения на свою сторону влиятельных военачальников Тимура пожаловал им в союргал земельные наделы разного размера, причем некоторые из них составляли большие области. Крупным землевладельцем был известный эмир Шахроха Фаррух – шах. Его многочисленные земельные владения (амлак ва мустагилот) были расположены во всех областях страны.

Таким образом, приведенные факты позволяют говорить, что союргал, как институт феодального землевладения приобрел важное значение в государстве Тимуридов.

Помимо союргальных пожалований при Тимуре практиковалось и *тарханное* пожалование. Под «тарханом» понимается освобождение (обеление) земли, имущества или предприятия, находящегося в руках какого – либо лица, от уплаты налогов, податей и повинностей, следуемых за них в государственную казну. Тарханная грамота не предполагает пожалования, она выдается лицу, уже владеющему землей или имуществом поэтому тархан нельзя смешивать с союргалом.

После выдачи тарханной грамоты ее владелец, а не казна, получал с крестьян все налоги. Лицо, ставшее тарханом, получало давно уже установившееся право быть освобожденным от ответственности за 9 проступок. Только начиная с 10-ой вины тархан привлекался к ответственности. Институт тарханов древний, о нем часто упоминается в титулатуре древнетюркских вельмож.

Тарханные грамоты главным образом выдавались лицам, отличившимся во время боев.

Так во время похода Тимура против Тохтамыша в 1391 (793 г.х.) были пожалованы тарханные грамоты всем тем, кто проявил мужество и храбрость в сражении против врага.

Тарханные грамоты получали эмиры, беки, простые военачальники, гражданские чиновники, сейиды, представители высшего духовенства, различные придворные чины и другие

лица из среды господствующего класса. Одним из богатых и влиятельных людей был Дервиш Мухаммад тархан. Его родственник Абд–ал–Али тархан при султানে Ахмаде был правителем Бухары и одним из крупнейших землевладельцев – «го двор, прежде всего его военных слуг, исчислялся не меньше, чем в 3000 человек».

Приведенные примеры позволяют говорить, что тарханы приобрели большое влияние в государстве тимуридов. В их руках была сосредоточена значительная часть государственных доходов, собираемых с крестьян и горожан целых областей (вилаяетов). Тарханы пользовались исключительными политическими правами и их действия, безусловно, способствовали ослаблению государства и его гибели.

Мульковые земли. При Тимуре и тимуридах, как и в предшествующее время, земельная собственность частных лиц, не связанная со службой государству и свободно передаваемая по наследству, называлась **мульк**.

Кроме земель мульками являлись такие каналы, кагрисы, если они были проведены владелицами мулька, приобретены ими или их предками. Мульковые земли разделялись на мульки, облагавшиеся податью в подльзу дивана, и мульки, освобожденные от подтай, ставшие известными в тимуридское время под названным мульею – мутлак. Мульковые зели, облагавшиеся податью, разделялись на хараджные и ушковые.

Данные источников, имеющих документов подтверждают то обстоятельство, что основная масса мульковых земель являлась собственностью крупных феодалов. Одним из крупных землевладельцев тимуридской эпохи был Алика Кукельташ (воспитатель Шахруха). Он владел большими земельными угодьями и постоянно увеличивал их, скупая в большом количестве земли в разных регионах Средней Азии и за ее пределами.

Мы здесь упомянули имена лишь некоторые влиятельных землевладельцев XV века. В действительности число их было

намного больше. Влияние крупных землевладельцев при дворе Тимуридов особенно возрастает в период междоусобиц. Некоторые из них, используя свою силу и богатство, часто проявляли непокоренность и выступали против правителей. Об одном из таких крупных землевладельцев – Камбар Али – рассказывает Захиреддин Бабур. Его рассказ приводит в своей книге Махмудов Н.И. И поэтому приведем его полностью: «В то самое время, когда мы ослабили и обессилили такого врага (Ахмада Танбала), – Камбар Али попросил позволения уйти в свою область. Как я его не удерживал, повторяя все эти соображения, он только большие дурил (и упрямялся). Поневоле пришлось ему разрешить уйти в его область. Раньше его владением был Ходжент, на это раз, когда взял Андижан, беков (именно) у Камар Али были обширные владения и много нукеров: ни у кого не было столько земли и нукеров, как у него».

Эти слова свидетельствуют об ослаблении власти Бабура во время междоусобиц и его зависимости от влиятельных местных беков, являвшихся в то время крупными землевладельцами.

При тимуридах были и собственники мелких участков мальковой земли. Они обрабатывали ее сами.

Вакфные земли. Как известно, в вакф обращалось движимое и недвижимое имущество, обрабатываемые земли, каналы и другие оросительные сооружения, а в городах – ремесленные мастерские, лавки, караван – сараи, а также рабы, рабочий скот.

Вакфное имущество передавалось в пользу религиозных учреждений – мечетей, медресе и т. д. одним из распространенных видов вакфа был потомственный (вакф плоди). В таких вакфах, согласно завещанию вакфодатля, звание мутаваллия наследственно принадлежало главе данной фамилии. Самая ранняя из вакфных грамот интересующего нас периода до 1383 года. Издатель этого документа (О.Д. Чеховича) исходила из того, что он был составлен в присутствии, известного по другим источникам, современнике Тимура Самаркандского шейх – ул ислама Абу – ал – Малика и определила, что он написан

ранее 1383 года. Сохранившиеся части этого документа свидетельствуют о том, что вакфодатель обратил в вакф полностью земли селения Ушиман, расположенные к северу от Самаркада, невыделенную треть селения Риваг, а также несколько других отдельных участков (117, с. 58).

Большое количество земельных угодий было обращено в вакф ходжой Ахрара. Об этом свидетельствуют три вакфные грамоты Хджи Ахрара, краткие данные из которых опубликовала О.Д.Чехович.

Согласно грамотам, Ходже Ахрара в пользу своих потомков, а также на поддержание обители дервишей в Самарканде, обратил в вакф огромное количество земельных угодий, расположенных в Самаркандской, Ташкентской, Бухарской и Кашка – Даринской областях. «Всего по этим грамотам обращается в вакф более 800 собственных имений Ходжи Ахрара, причем многие из них были огромного размера» (117, с. 242).

Сопоставляя сведения исторических сочинений XV века со свидетельствами документов, можно составить себе представление об основных налогах и податях, выплачиваемых крестьянами, и повинностях, которые они несли.

Социально-экономические отношения в Мавераннахре времени Тимура в исторической литературе разработаны недостаточно. Для этой эпохи характерно резкое ухудшение положения крестьян и ремесленников, за определенными категориями которых постепенно закреплялись определенные налоги и повинности.

Основным налогом тимуридской эпохи, как и предыдущие века, был харадж (мал). Сообщения источников свидетельствуют о том, что Тимур принимал меры, способствующие развитию сельского хозяйства Мавераннахра. Можно утверждать, что в отношении хараджа он придерживался умеренной политики. Представляет интерес факт освобождения Тимуром крестьян от взимания хараджа. Так, в связи с рождением

Ибрагим султана, сына Шахруха, в месяце шаввал 796 г.х. (август 1394), Тимур освободил крестьян от выплаты на один год.

В источниках содержатся сведения о взимания хараджа исключительно продуктами. Однако ряд сведений свидетельствует о том, что налоги взимались и денгами. Так, Йазди сообщает, что после завоевания Хурмуза ежегодный харадж был установлен в 300 тысяч динаров.

Для характеристики политики Тимура в отношении взимания налогов нельзя не отметить факты наказания чиновников налогового аппарата, которые нарушая установленные центральным правительством норы, взимали с подданных незаконные подати.

Проводя отмеченную политику, Тимур имел в виду, прежде всего, интересы казны. Эти меры Тимура был направлены также против непокорности, самовольных действий местных правителей, крупных феодалов и имели целью укреплению центральной власти. Эти меры, надо полагать, до некоторой степени способствовали восстановлению разрушенного крестьянского хозяйства, прежде всего в Мавераннахре.

Кроме основного земельного налога в государстве Тимуридов существовали и другие виды налогов и податей. Это подушный налог – джизья, который взимался с немусульманского населения, другие повинности: по поставке ездовых животных (улаг), барщинные работы (бегар и некоторые чрезвычайные налоги (аварзират) **(63, с. 44)**. Причем право на бегар мели не только феодальные правители, но и крупные земельные собственники.

Таков некоторые сведения относительно налоговой системы в тимуридскую эпоху.

В этот период времени в данном государстве было да основных класса – это класс феодалов и класс феодальное – зависимых крестьян.

Феодалы, владевшие большими участками земли, дробили ее на мелкие участки и раздавали крестьянам на основе издольной аренды.

В источниках тимуридской эпохи обычно в отношении крестьян употреблялся термин «фриайо». Среди крестьян мы можем выделить категорию собственников мелких участков мульковых земель. Они сами обрабатывали свои земли и могли распоряжаться ими на правах личной собственности. Однако, следует казать, что мульковые земли, принадлежащие непосредственно производителям – крестьянам, были в большинстве незначительны по своим размерам. Документы джуйбарских шейхов (XVI в.) показывают, что в числе продавцов, а следовательно и собственников земли, встречаются немало лиц, размеры владений которых были большей частью Невелики, даже частью мизерные, например, 1 т земли и 70 туговых деревьев, 3 т земли и небольшой участок с туговыми насаждениями стоимостью в 10 тенге и т. д. (59, с. 37).

К следующей категории крестьян следует отнести арендаторов – издольщиков. В источниках и документах эти крестьяне названы арабским термином «музори» и таджикским «кюрандхо». Согласно П.П. Иванову земли джуйбарских шейхов обрабатывались путем сдачи земли малоземельным крестьянам в аренду за определенную долю урожая (59, с. 38). Арендаторы – издольщики, обрабатывающие земли джуйбарских шейхов, названы коранде (59, с. 40).

При тимуридах существовали земли, находившиеся в пользовании крестьян – общинников. О внутреннем устройстве общины и положении крестьян – общинников источники никаких сведений не содержат. Поэтому более конкретно составить какое – либо мнение о положении крестьян – общинников невозможно.

Таким образом, приведенные выше данные позволяют разделить крестьян по экономическому положению на следующие категории: 1) крестьяне – собственники мелких мульковых

земель; 2) крестьян – общинники сдавшие на государственных землях; 3) сидящие на частновладельческих землях, крестьяне – арендаторы; 4) живущие на вакфные землях.

Наряду с трудом крестьян в сельском хозяйстве широко применяется также труд рабов, захваченных в ходе завоевательных войн.

В XVI веке существовало несколько категорий феодального землевладения: *государственное*, *мульковое*, *мильки хуррихалис и вакфное*. Государственное землевладение характеризовалось тем, что государство являлось единственным собственником этих земель и через финансовый аппарат эксплуатировало непосредственных производителей. Эта форма землевладения была преобладающей по размерам земельной площади. Государственные земли находились в пользовании крестьян, плативших поземельный налог (харадж); эти же земли являлись фондом различных пожалований в виде «юртов» узбекских племен и «союргал» или «танхо», передававшихся в пользование различным военным и гражданским лицам.

В рассматриваемый период термин «союргал» мог означать не только особый вид ленного владения, условное держание доходов с определенного участка земли за службу государю, но и жалование или дар вообще.

Институт земельных пожалований получили XVI – XVII вв. дальнейшее развитие. В XVI веке наиболее распространенными были пожалования тиул и танхо – пожалование тому или иному лицу права взимать в течение известного времени в свою пользу государственные налоги на зелью, посту павшие раньше в ханскую кахну. Лицо получившее такого рода условное земельное пожалование (танхо) собственником земли не являлось, и власть не ограничивалась только правом взимания в свою пользу поземельной подати с крестьян обрабатывавших данную землю. Таким образом, население, жившее на пожалованной земле, юридически оставалось независимым от «танхо - дара» - владельца танхо и не становилось о отношению к нему

крепостные отношения (64, с. 393), но фактически попадало в прямую непосредственную от него зависимость.

На деле крестьян оказывался прикрепленным к находившемуся его пользовании участку, а следовательно к феодалу, взимавшему с него подати и державшему в своих руках административный аппарат, который ведал оросительной системой – необходимым в Средней Азии условиям земледелия.

«Титул» (также как и танхо) – есть право на получение ренты с земель, где сидят и трудятся крестьяне. Характерно, что тиулдар мог совершенно не жить на пред крестьян – общинников оставленной ему земле, а получать причитающуюся ему ренту в смешанной форме (в натуре и деньгах) чрез чиновников. По словам Петрушевского, «обладая землями и пользуясь влиянием в данном районе, эти феодалы (тиулдары) стремились превратить данное им право взимания доходов с тех или иных местностей в наследственное право управления этими местностями» (93, с. 202).

Фактическая власть узбекской знати над крестьянским населением возрастала по мере расширения феодального землевладения и связанного с этим ослаблением центральной государственной власти

Размеры земельных пожалований типа «союргал» или «танхао» были иногда весьма значительными. Наиболее крупными держателями условного землевладения являлись представители ханского рода. Так, например, Фергана во второй половине XVI века была союргалом султанов Хосрова и Искандера (63, с. 393-394). Крупными сюргалами и некоторые главари племен, как, например, бей Назар из племени карлук, получивший союргал город Пекент с его округом (63, с. 394).

Земли, принадлежавшие лично хану, известны од названием «хасс» (Хассе) – «собственный, личный». Доходы с этих земель шли на личные расходы хана, на пожертвование в вакф и т.п. В собственном владении хана были также стада, лавки, ремесленные мастерские, мельницы. В частном владении цар-

ствующих и других высокопоставленных лиц могли находиться и пастбища.

Наряду с условным пожалованием практиковалась также передача ханами земли в полную собственность отдельным лицам, имевшим заслуги перед правителями, а также крупным представителям духовенства.

Частновладельческие (мильковые) земли, как это доказали И.П. Петрушевский и Е.А. Давидович, по праву владения делились на две группы: 1) мильки феодалов, на которых право непосредственной эксплуатации принадлежало землевладельцу, и 2) ильки крестьян- собственников, обрабатываемые самими крестьянами. Удельный вес мильков, принадлежащих крестьянам был невелик. Мильки крестьян - мелькие участки земли, юридически рассматривавшиеся как одна категория с мильками феодалов, – фактически представляли особую категорию земель.

В рассматриваемый период отмечается наличие крупного феодального землевладения. Таковы, например, мильковые владения Михр Султан – ханум, джуйбарских шейхов и карасканских феодалов.

Земли мильки хурри – холис в основном образовывались при передаче государству 2/3 мильковых земель. На оставшуюся 1/3 земель владелец получал право налогового иммунитета, рента с нее целиком поступала владельцу милька (**63, с. 326**). Крестьяне, жившие на мильковых землях не теряли личной свободы, но попадали в зависимость землевладельца еще в большей степени, чем на землях « танхо».

Для XVII века было характерно усиление частной – владельческой феодальной собственности за счет государственной. Это видно дошедших до нас поземельных документов, касающихся продажи ханами государственных земель частным лицам (особенно крупным феодалам, придворным и др.) и представления землевладельцам налогового иммунитета. Вмес-

те с землями в распоряжение землевладельца переходило воды и оросительные сооружения.

Выдающееся положение среди феодалов в государстве Шейбанидов занимали представители высшего мусульманского духовенства а также суфийские шейхи (ишаны), возглавлявшие дервишские братства. Узбекские ханы, знать и состоятельная часть населения щедро жертвовали земли религиозным учреждениям и, таким образом, увеличивали вакуфный земельный фонд.

Дошедшие до нашего времени в большом количестве завещательные распоряжения ханов, вельмож и прочих лиц в пользу различного рода религиозных учреждений (мечетей, медресе и прочие) показывают, что в руки определенной категории служителей мусульманского культа переходили целые районы с десятками селений, пахотные угодья, мельницы, дома, караван – сараи, лавки и т.д. Кроме вакуфных пожертвований и ханских пожалований, земельные богатства представителей духовенства увеличивались также и путем широко практиковавшейся покупки земли.

Наряду с крупной земельной собственностью, существовала и мелькая. Имеющиеся земельные документы указывают на наличие небольших участков, принадлежавших лицам, названных в документах по имени, без всяких титулов, ремесленникам, с обозначением их профессии, и т.п. Однако, удельный вес мелкого землевладения, по-видимому, был весьма незначительным.

Большая часть земель, как сказано выше, была отдана в «юрт» кочевым узбекским племенам, кочевникам-скотоводам. По форме юрт представлял собой общинно-племенное владение, при котором собственником и распорядителем земли являлось не отдельное лицо или территориальная община, а племя в целом или его подразделение. Но так как среди этих плем уже далеко зашел процесс феодализации и классового расслоения, родоплеменные порядки владения землей были только

внешней формой, прикрывавшей эксплуатацию рядовых Кочевников « родовыми» беями – действительными распорядителем земель юрта, захватывавшими лучшие пастбища.

Обедневшая часть кочевых узбеков, лишавшаяся своих стад, стала в первую очередь оседать на землю и переходить к занятию земледелием.

Предводители племен, беи и их дружинники в процессе оседания на землю становились землевладельцами.

Особое значение для раскрытия исследуемых нами вопросов на примере государства Шейбанидов приобретает документальный источник XVI века «Вакф – наме Хазрати Шейбани – хан» (или просто «Вакф – наме»). Этот документ представляет собой рукописную книгу вакфной грамоты, написанной в первой четверти XVI века от имени Михр Султан – ханум – невестки основателя династии Шейбанидов – Мухаммед Шейбани хан (1488-1510).

«Вакф-наме» представляет собой значительный интерес как документальный источник по истории землевладения и земельных отношений в Средней Азии первой половины XVI. Оно отражает процесс роста земельной собственности в руках первых Шейбанидов и обезземеливания мелких землевладельцев. Основным источником обогащения Шейбанидов была конфискация земель торговых – ремесленных предприятий побежденной тимуридской знати. Другим источником обогащения была скупка земли, хотя под этим юридическим актом скрывался прямой захват имений представителями новой власти (51, с. 41).

Шейбаниды захватывали земли и путем прямого насилия, практиковалось присвоение земель в счет предоставленных в долг денег.

Процессу концентрации земельной собственности способствовал существовавший институт «шуфат», т. е. преимущественное право соседа на покупку земель, прилегающих к его владениям. Этим правом широко пользовалась Михр Сулл-

тан – ханум, прибирая к своим рукам все новые и новые земельные участки (59, с. 142-144).

В результате захвата земли феодалами усиливалась зависимость от них крестьян. Из документов видно, что власть феодалов распространялась не только на пахотные земли, но и на те, которые находились под усадьбами и домами крестьян. При продаже или других переменах владельца переходили в другие руки не только земли, но и сидевшие на этих землях крестьяне. Отсутствие юридического закрепощения при этих условиях было чистой фикцией (63, с. 394).

Что касается эксплуатации земель, то вакфной грамоте имеется указание на то, что в вакфных имений и вообще всех жертвуемых имуществ должен извлекаться доход в виде разных сборов с них «путем отдачи их в иджора или мутлога (музорага)». Под термином «музорага» обычно подразумевается издольная обработка земли на основании договора или – «предоставление поля для посева на условиях издольщины, являющейся по существу феодальной рентой» (90, с. 217).

Термин «иджора» в рассматриваемой грамоте встречается несколько раз. В приведенном нами контексте он мог означать наем и относится к использованию лавок., мастерских, бань и т. п.

Что касается крестьянства как вообще класса, то по своему экономическому состоянию оно было неоднородно. Крестьяне – издольщики, составлявшие основную массу крестьянского населения страны, делились на несколько групп. Часть крестьян владела приусадебными участками и разными объектами, именовавшимися обычно «сукниет» (когда сама земля принадлежала другому владельцу). Феодалы, арендовавшие государственные, вакфные и другие земли, предоставляли земельные участки в субаренду крестьянам.

Лишь небольшая часть крестьян владела мельковыми землями. Крестьяне – мелькдары сами обрабатывали их. В отношении других групп крестьян они занимали более привилегированное положение, но тоже подвергались тяжелой

феодалной эксплуатации. Как показывают документы, мульки крестьян могли быть отняты крупными землевладельцами, концентрировавшими свои земли в одном месте.

Рабский труд применялся при сооружении и очистке оросительных каналов, на стройках, в сельском и домашнем хозяйстве, однако он не играл решающей роли в производстве. Источником приобретения рабов были завоевательные походы, а также покупка.

В государстве Шейбанидов существовала основанная еще при тимуридах сложная система налогов, податей и повинностей, часть названий которых, вероятно, была введена с приходом завоевателей.

Основным налогом, как и во всем «мусульманском» Востоке, был харадж (поземельный налог) в пользу государства. Другое его обозначение – «малуджихата» (63, с. 528-533), чаще просто «мал». По расчетам исследователей, размер малуджихата в XVI веке составлял 30-40% урожая с пахотных государственных земель.

Рентой – налогом, уплачиваемые населением в пользу государства, был также «ихраджат» (63, с. 529) (расходы, издержки). к этой категории относились сборы на содержание государственного аппарата, войска и ханского двора. Собираемым названием части феодальной повинности было «ясак» (63, с. 530). Группа налоговых сборов, взимаемых садов огородов, называлась «танабана» (63, с. 531) (мали багат»). Видно место занимали различные чрезвычайные сборы – «аваризат» («такабули, тафавут»).

Сверх основных налогов существовал целый ряд сборов и повинностей в пользу правителей, сборштиков налооов и различных должностей лиц – «мирабана», «забитана», «кутвали» и многие другие.

Существовала также подымная подать «дуд», «тутун пули», взимавшаяся в деньгах.

С торговцев взимался закят и бадж.

Таким образом, основную часть общей суммы государственного налога составляла феодальная земельная рента. Она взималась в натуральной, денежной и отработочной форме. С пахотных земель платили ренту в основном натурой. В деньгах собирали торговые налоги с лавок, базаров, караван – сараев, бань. В денежной форме взималась также часть сборов с садов, входящих в категорию танабана, с рудников.

Одни и те же налоговые сборы могли взиматься в пользу государства (верховного правителя), владельца селения или в пользу обоих в определенной пропорции.

В Казанском ханстве основой феодализма являлась феодальная собственность на землю. Преимущественная часть земель в ханстве принадлежала хану и светским духовным феодалом: сейидам, эмирам, мурзам, тарханам и т. д. Феодальному базису Казанского ханства соответствовала своя надстройка, свои политические, правовые и иные взгляды и соответствующие им учреждения. Политическая власть находилась в руках тех же феодалов. Причем, как и во всяком феодальном государстве, политическое положение определялось размерами землевладения.

Значительная часть земель ханства распределялась между общинами ясачного населения. Между общинными землями вклинивались крупные частновладельческие земли, разделявшиеся на **вотчинные, тарханные, союргальные и вакуфные**.

Земли **ясачных** общин считались собственностью государства. Они управлялись феодалами, имевшими среди них свои поместья, но им не принадлежали (67, с. 106).

Вотчинные земли принадлежали крупным феодалам. Самым крупным вотчинником был хан. Ему принадлежали значительные владения, которые после завоевания Казанского ханства были причислены к числу дворцовых – царских земель. Кроме хана крупными землями владел представители высшей аристократии. Вотчинные земли передавались по наследству от

отца к сыну и от брата к брату, причем порядок наследования нередко вызывал споры.

Тарханное землевладение было основано на пожаловании земель ханом. Их владельцы должны были иметь необходимые тарханские грамоты (ярлыки), которые в необходимых случаях возобновлялись. Таким документом и является ярлык Казанского хана Сахиб – Гирея, выданной в 1523 году. Из текста его видно, что семь родственников (3 поколения одной семьи) «били челом» хану, говоря, что «они были тарханами старших, бывших прежде, ханов». «Вновь пожаловав этих упомянутых (лиц), мы, - говорится от лица хана, - сделали их тарханами» (67, с. 107).

Тарханы располагали кроме налогового иммунитета, личной свободой от судебной ответственности и другими привилегиями.

В ярлыке Сахиб – Гирея в 1523 году со всей строгостью предупреждаются люди, которые «на внимая ярлыку причинят им (тарханом) насилие», притеснения и обиды (67, с. 107).

Тарханские привилегии давались за особые заслуги. В известном труде Мухаммед Рази «Асеб-о-осейяр» (Семь планет в истории татарских царей) дается наиболее полное определение термина «тархан»: «1) за девять совершенных крупных преступлений тархан на привлекается к ответственности и это не ставится ему в упек; 2) до девятого поколения в его роде дети и внуки освобождаются от государственных налогов; 3) освобождаются от взимания десятины с добычи, называемой сауге; 4) без разрешения может входить в ханский дворец; 5) удостоивается чести восседать в ханском собрании; 6) забывает мирские горести, выпив из рук хана девять чарок веселящего вина; 7) во время похода идет в авангарде вместе с ханом; 8) кроме дочерей хана, имеет право ввести в свой гарем и жениться на всякой сердцу угодной женщине без разрешения ее отца; 9) может дойти до девяти небес почета и славы, удос-

товерившись конями, коврами и другого рода девятью предметами, причем каждого из них по девять штук» (10, с. 190).

С течением времени тарханские земли также часто становились наследственными и мало отличались от вотчинных. Размеры тарханских владений неизвестны, но они, несомненно, соответствовали социальной значимости владельцев. Так, уланы, например, в большинстве случаев имели небольшие владения, мурзы и другие высшие лица получали земли больше.

С приходом Улу – Мухаммада на территории ханства создается новый слой землевладельцев, который пополняется выходцами из Золотой Орды. Процесс завоевания земель золотоордынскими феодалами на правах ленного владения, начавшийся еще в более ранний период, получает законодательное оформление в виде ханских пожалований.

В Казанском ханстве институт условных пожалований получает развитую форму военного лена под названием *союргал*. Союргал был наследственным земельным пожалованием при условии несения лицом, его получившим, военной или иной службы в пользу хана вместе с определенным числом всадников. Владелец союргала получал право судебного, административного и налоговой иммунитета. Он непосредственно владел союргалом собственной властью, полученной им по наследству от своего предшественника, обычно от отца. Эта власть закреплялась за ним по феодальному праву и утверждалась выдачей ярлыка. Таким образом, хан являлся верховным собственником, а держатель союргала – подчиненным. Верховная собственность хана проявлялась в его праве отнимать союргал в случае нарушения феодалом условий службы.

Держатель союргала взимал в свою пользу ренту – налог, поступавший ранее в казну хана. В этом случае эта рента теряла прежнюю форму налога и становилась уже чисто феодальной рентой (67, с. 80).

Особенностью союргала являлось также то, что обычно держатель союргала не занимался организацией хозяйства на

пожалованных землях (67, с. 80). Кроме того, эти феодалы должны были являться со своими людьми в полном сооружении по первому зову хана.

Вакуфные земли принадлежали духовенству и состоялись из пожертвованных в пользу церкви вотчинных земель.

Формирование вотчинных земель происходило чаще всего путем захвата свободных земель и перевода на них населения, зависимого от владельца, а также и путем захвата земель ясачного населения, в процессе закрепощения трудового люда.

Тарханские земли создавались из ханских, вотчинных (опальных аристократов) и за счет захвата общинных земель. Кроме захвата таких земель, формальным порядком – путем их пожалования ханом, довольно большие участки присваивались владельцами при определении границ владений и постановке пограничных знаков («граней», «тамг», «таврүев») (67, с. 108).

Казанское ханство являлось типичным феодальным образованием. В ханстве противостояли два основных класса: класс непосредственных производителей крестьян и класс феодалов.

Главную массу населения ханства составлял черный люд (кара халык) – феодальное – зависимое население, среди которого большинство было ясачными людьми. Они платили правительству и феодалам значительную часть своих доходов. к ясачным почти полностью принадлежало нетатарское население ханства (мари, удмурты, чуваша, мордва и др.), а также значительная часть татар.

Татарское ясачное население жило общинами, состоявшими из ряда поселков. Ясачные люди управлялись своими старшинами (аксакалами и абазами) (67, с. 115), но фактически власть над ними осуществляли многочисленные ханские чиновники и местные феодалы.

Ясачные люди, согласно данным ярлыка 1523 года, платили правительству: ясак (дань десятичную), клан (оброк в пользу хана и его семьи), салаг (на жалование войскам), барж (та-

моженная пошлина), (тютюн – саки) (подымный налог) и другие (66, с. 116). Платили ясачные люди и местным феодалом.

Феодалная земельная рента в Казанском ханстве была преимущественно продуктовой, а не денежной. Существовала и отработочная рента.

Еще в более тяжелом положении, нежели ясачные люди, находились крестьяне, попавшие в кабалу, холопы и рабы (куллар). В ярлыке Сахиб – Гирея подчеркивается, что непосредственные производители находились в личной зависимости от феодалов.

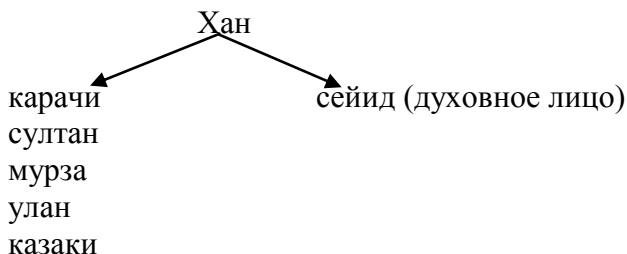
В числе кабальных разными путями попадали свободные люд, в рабов же в большинстве превращались пленные. Некоторой части холопов и рабов феодалы давали землю, и они вели собственное хозяйство, отдавая большую часть результатов своего труда владельцу. После ряда лет работы в хозяйстве феодала эти люди постепенно превращались в крепостных и назывались «чура» (10, с. 196).

Господствующим классом в казанском ханстве были феодалы различных категорий. На верхушке феодалной лестницы после хана стояла родовая титулованная знать. Представители знатнейших родов носили наименование Карачи (советники). Положение их было наследственным. Среди остальной знати самые крупные носили титулы султанов и эмиров (князей). Они были военачальниками ополчения своей округи. Ниже стояли мурзы (сыновья эмиров), еще ниже – уланы (от слова ул – сын, дети боярские), являвшиеся служили феодалами – военачальниками. Низшей группой феодалов являлись Казаки, составлявшие постоянно ядро ханского войска (ички - казаки). Казаки занимали промежуточное положение между классами феодалов и основной массой крестьян. За свою службу они получали земельные участки.

Крупные феодалы, мурзы, особенно султаны и эмиры имели значительные вотчинные и частично тарханские земли, населенные зависимыми от них людьми. У них имелись лич-

ные вооруженные отряды. Уланы и казаки также имели тархан-ные земли.

Исходя из вышеизложенных данных можно составить таблицу феодальной лестницы:

Особую группу внутри класса феодалов составляло мусульманское духовенство. В руках его сосредотачивались богатые вакуфные земли. Во главе духовенства стоял сейид, имевший титул «эшреф» - «избранный из благородных»

Жестокое угнетение трудового населения вызывало с его стороны сопротивление феодалам. Классовая борьба проявлялась как в пассивной форме (в виде отказа от уплаты налогов, бегства и. т. д.), так и в форме вооруженных восстаний. Но выступления народных масс в Казанском ханстве в это время носили стихийный и неорганизованный характер и жестоко подавлялись феодалами

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Обобщая основные результаты исследования, следует подчеркнуть, что в ходе исторического развития тюркская государственность приобретала все более конкретные контуры и становилась устойчивой единицей в рамках общемирового развития. История тюркской государственности уходит своими корнями в глубокую древность. Как и у многих других народов, у тюрков государственность зарождалась на основе родоплеменной организации. Но существовали определенные отличия: у тюрков родовой – племенная организации не исчезла с появлением государства, а постепенно трансформировалась в новые административные структуры. Все таксономические единицы, такие как семья, род, племя, являясь структурообразующими родоплеменной организации, были основой ее нормального существования. Так, семья, представляя собой низшее экономическое звено, становилась связующей единицей общественных отношений. Род, родовая община были фундаментальной основой зарождающейся государственности. Данный процесс, когда род являлся ядром социально – политической организации, просуществовал с древних времен вплоть до XX в. Одних из важных элементов над общинного уровня становится племя. Племя по своей сути уже олицетворяет определенные управленческие функции. Впоследствии племена у тюрков начинают тесно сплачиваться в племенные союзы, которые уже можно назвать зародышами государства. Значительную роль в процессе возникновения государственности начинают играть появляющиеся формы управления. Одной из преобладающих форм структуры управления является власть сильной личности, которая свою выборность постепенно заменяет наследственностью, при этом роль и значение такого органа управления, как совет старейшин, постепенно становится на службу наследственному монарху. Определяющую роль в процессе формиро-

вания государства начинает играть война и связанные с ней завоевания. Само военное дело у тюрков представляло собой жизненную необходимость существования общества.

Вышеизложенное позволяет сделать вывод о том, что именно в глубокой древности возникшая государственность, базовыми элементами которой были: родовая – племенная организация и ранние формы структуры управления, становилась прототипом для дальнейших государственных образований развитого средневековья и нового времени.

В мировой истории роль тюрков – кочевников нельзя недооценивать. Распространив свое влияние на всю Великую Степь от Китайской стены до Карпат, тюрки стали «цветом времени». Их экономика, политика и культура внесла значительный вклад в цивилизацию эпохи древности и средневековья. Тюрки – кочевники не были неразборчивыми потребителями продукции ремесленников, «варварами», разрушающими оседлые районы. Высокая культура прошлого народов современных тюркских государств – плод творчества их прямых предков. И этим определяется подлинная роль и место тюрков – кочевников в истории.

История тюрков евразийских степей – неотъемлемая часть общеисторического прогресса. Тюрки не только принимали активное участие в событиях мировой истории, сами эти события оказывали существенное воздействие на все стороны их жизни.

Изложенный выше материал дает нам возможность заключить следующее: частная земельная собственность в феодальном обществе и у тюрков занимает определенное место в системе производственных отношений. Феодальное землевладение у тюрков имеет экономические и правовые особенности, которые состоят в том, что почти вся земля принадлежит классу феодалов, но, чтобы осуществлялся процесс производства, эта земля должна находиться в пользовании непосредственных мелких производителей, если сами феодалы и не

вспахивают землю, что является особенностью восточного феодализма. Барское хозяйство существовало не везде в феодальном обществе, но наделение крестьян земли происходило повсеместно, и крестьянин должен был отдавать часть дохода за право владений землей.

Уплата государству происходило в лице верховного носителя права феодальной собственности на землю или же феодалу, которому была передана земля, и право получать с нее доход. Таким образом, в феодальном обществе у тюрков существовала иерархия и условность на земельную собственность.

Зарождение иерархической системы землевладения как господствующей формы земельной собственности у тюрков – кочевников и ее последующее укрепление имеют свою историю и специфические черты.

Феодальное землевладение в тюркских государствах, рассмотренных нами, не было статичным, неизменным, оно развивалось, как и само общество, но из-за недостатка сведений невозможно проследить историю землевладения, поэтому в данной работе пришлось ограничиться рассмотрением отдельных категорий земель, о которых имеются данные в источниках.

При рассмотрении категорий земли мы исходим из положения К.Маркса, писавшего о землевладении в странах Востока: «Государство здесь – верховный собственник земли. Суверенитет здесь земельная собственность, концентрированная в национальном масштабе. Но зато в этом случае не существует никакой частной земельной собственности, хотя существует как частное, так и общинное владения и пользование землей».

Некоторые авторы высказывают мнение о том, что государство было лишь формальным собственником земли. С таким положением нельзя согласиться. Ибо государство взимало ренту – налог, что говорит не о формальном праве. Кроме того государство проводило общее перераспределение земли между владельцами и производило конфискацию земель.

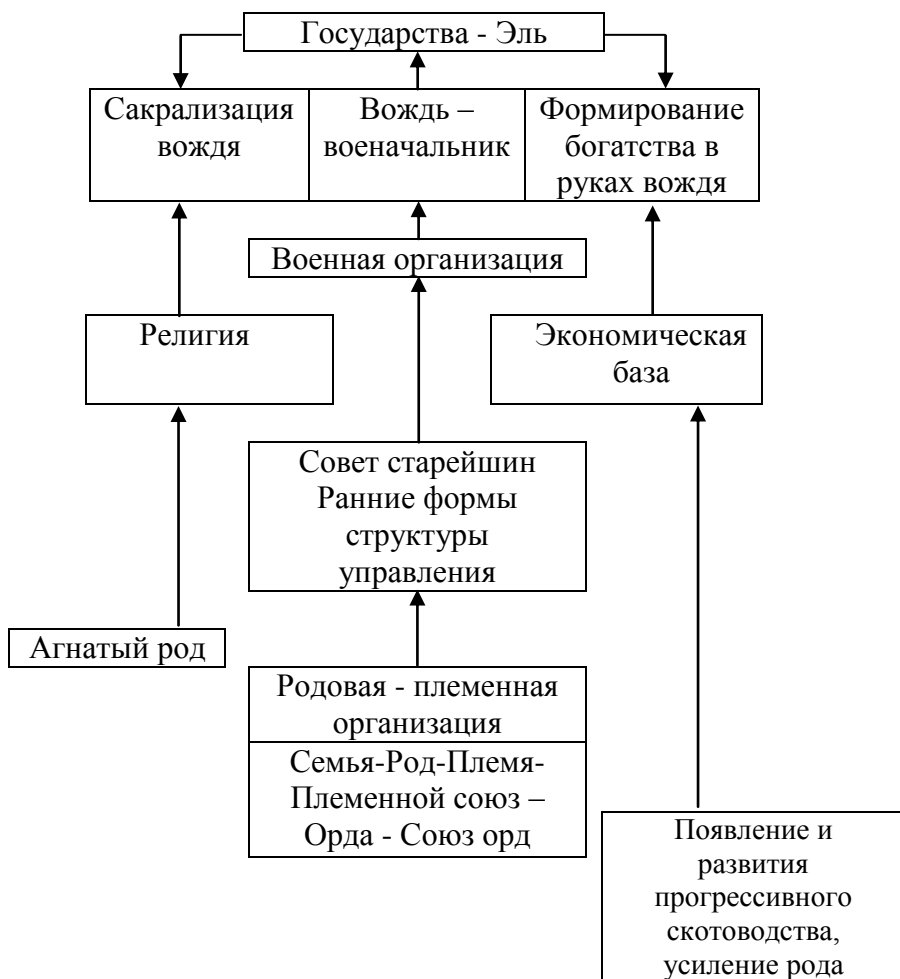
Следовательно, не может быть и речи о формальном праве государства на землю.

В тюркских государствах рассматриваемого периода, как и в ряде других стран, например России, в начальный период разложения общинного строя и появления классовых отношений имело место патриархальное рабство.

Развитие земельных отношений в условиях кочевников – тюрков, характеризуется тем, что формы землевладения подготавливались в недрах первобытно – общинного строя и поэтому сохранили в значительных размерах пережитки последнего.

Поэтому изучение проблемы тюркской государственности и формы землевладения у тюрков является наиболее важной стороной исследования тюркской истории. Как нам кажется, исследуемый в данной работе вопрос требует дальнейшего рассмотрения в более фундаментальных трудах: в том числе магистерских, докторских работах.

СХЕМА ГЕНЕЗИСА ТЮРКСКОЙ ГОСУДАРСТВЕННОСТИ

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Абрамзон С.М. Киргизы и их этногенетические и историко-культурные связи. Фрунзе, 1990 г.
2. Абрамзон С.М. Некоторые вопросы социального строя кочевых общества // СЭМ. 1970 7, № 6
3. Абрамзон С.М. Очерк культуры киргизского народа. Фрунзе, 1946 г.
4. Абрамзон С.М. Патриархально-общинный уклад и пути его изживания у народов среднеазиатских республик и Казахской ССР. М., 1964 г.
5. Алиев Г. Духовные ценности народа должны быть сохранены и приумножены // Бакинский рабочий, 1993, 28 сентябрь.
6. Али-заде А.А. Социально – экономическая и политическая история Азербайджана в XIII-XIV вв. Баку, 1956
7. Аристов Н.А. Заметки об этническом составе тюркских племен и народностей с сведения об их численности. Живая старина, X, т.4, СПб, 1896 г
8. Асфандияров А.З. Башкирская семья в конце XVIII первой половине XIX века // История СССР. М., 1984 г., № 4
9. Ахмедов Б.А. Государство кочевых узбеков. М., 1965 г.
10. Алишев С.Х. «Казанское ханство: возникновение и развитие» - В книге Материалы по истории татарского народа. Казань, 1995.
11. Аюпов Н.Г. Тенгрианство как религиозная система. Автореферат дисс. канд. фил. наук. Алматы.1996 г.
12. Башаядин Юкял. Буйцк Щун империйасы. I kitab. Баку, 1992
13. Бартольд В.В. Туркестан в эпоху монгольского нашествия. М., 1960.
14. Бартольд В.В. Улугбек и его время. Сочинения. Т. II., М., 1969.
15. Бикбулатов Н.В. Система родства о тюркоязычных народов и проблема большой семьи // Проблемы современной тюркологии. Алма-Аты, 1980

16. Бичурин Н.Я. Собрание сведений о народах, обитавших в Средней Азии в древние времена. М-Л, 1950
17. Бичурин Н.Я.(Иакинф). Собрание сведений о народах, обитавших в Средней Азии в древние времена. Ч. I, М - Л., 1950 г.
18. Бернштам А.Н. Историко-археологические очерки Центрального Тянь-Шаня и Памиро – Алтая// МИА, № 26. М., 1952 г.
19. Бернштам А.Н.К вопросу о возникновении классов и государства у турок VI-VIII вв.н.э. // Вопросы истории доклассового общества. Сб.ст. к 50-летию книги Ф.Энгельса «Происхождение семьи, частной собственности и государства». М - Л., 1936 г.
20. Бернштам А.Н. Наследственность и выборность у древних народов Центральной Азии // ГИДО. М - Л., 1935, № 7-8
21. Бернштам А.Н.Некоторые данные к этногенезу туркмен // СЭ. М - Л., 1951, №4
22. Бернштам А.Н. Очерки истории гуннов. Л., 1951 г.
23. Бернштам А.Н. Проблема распада родовых отношений у кочевников Азии // СЭ, М-Л., 1934, № 6
24. Бернштам А.Н. Происхождение турок // ПИДО, М - Л., 1935 г., № 5-6
25. Бернштам А.Н.Социально – экономический строй древне-турецкого общества VI-VIII вв. н. э. Турки в Монголии. Тезисы диссертации, ГАИМК, Л., 1935 г
26. Бернштам А.Н. Социально – экономический строй орхоно-экономических тюрок VI-VIII веков. М - Л., 1945 г.
27. Бернштам А.Н. Чуйская долина». Труды Семиреченской археологической экспедиции // МИА, «14, М-Л., 1950 г.
28. Борисов Л.П. Политология. М., 1996 г.
29. Бромлей Ю.В., Першиц А.И. Энгельс и проблемы первобытной истории //Проблемы этнографии и антропологии в свете научного наследия Ф.Энгельса. М., 1972 г.
30. Бутинов Н.А. Первобытнообщинный строй (основы этапы локальные варианты) // Проблемы истории докапиталистических обществ. Кн.1, М., 1968 г.
31. Вайнштейн С.И. Мир кочевников центра Азии. М., 1991 г
32. Васильев Л.С. Проблемы генезиса китайского государства. М., 1983 г.
33. Вопросы истории, 1950, № 4

34. Викторова Л.Л. Становление классового общества у древнемонгольского кочевника // Проблемы докапиталистических обществ. Кн.1, М., 19658 г.

35. Владимирцов Б.Я. Общественный строй монголов. Л., 1934 г.

36. Восточный Туркестан в древности и раннем средневековье. М., 1992 .

37. Востров В.В., Муканов М.С. Родоплеменной состав и расселение казахов (конец XIX - начало XX в.). Алма-Ата, 1968 г.

38. Гиясаддин Ага. Дневник похода Тимура в Индию (пер. А.А.Семенова). М., 1958

39. Генинг В.Ф., Павленко Ю.В. Институт племени как орган зарождающейся политической надстройки // Фридрих Энгельс и проблемы истории древних обществ. Киев, 1984 .

40. Грач А.Д. Древние кочевники в центре Азии. М., 1980 г.

41. Греков Б.А., Якубовский П.Ю. Золотая Орда и ее нападение. Л., 1950

42. Гумилев Л.Н. География этноса в исторический период. Л., 1990 г.

43. Гумилев Л.Н. Древние тюрки. М., 1993 г.

44. Гумилев Л.Н.Некоторые вопросы истории гуннов // БДИ, М., 1960 г, № 4

45. Гумилев Л.Н. Тысячелетия вокруг Каспия. Баку, 1990 г.

46. Гумилев Л.Н. Удельная – лестничная система у тюрков в VI-VIII веках// СЭ. М., 1959 г., № 3

47. Гумилев Л.Н. Хунну. Средняя Азия и древние времена. М., 1960 г.

48. Гумилев Л.Н. Этногенез и биосфера Земли. Л., 1989 г.

49. Денисова Н.П. Община у кочевников горной – степной зоны Южной Сибири в конце XIX – начале XX в. (Саяно - Алтай). Автореферат дисс. ист. наук. М., 1981 г.

50. Дулов В.И. Пережитки общинно-родового строя и родового быта у тувинцев в XIX – начале XX в. // СЭ. М - Л., 1951, № 4

51. Джалилова Р. «К истории аграрных отношений в государстве Шейбани – хана в начале XVI века» - Общественная наука в Узбекистане, № 9, 1963

52. Егоров В.Л. Государственное и административное устройство Золотой Орды // ВИ. М., 1972, №2

53. Еренов А. Очерки по истории феодальных земельных отношений у казахов. Алма - Ата, 1961
54. Железчиков Б.Ф. Ранние кочевники Южного Приуралья Автореферат дисс. ист. наук. М., 1980 г
55. Заходер Б.Н. История восточного средневековья. М., 1944
56. Землепользование и землевладение в Средней Азии в XIV-XV вв., Душанбе, 1966
57. Златкин Н.Я. К вопросы о сущности патриархально - феодальных отношений у кочевых народов // ВИ. М., 1955, № 4
58. Золотарев А.М. Родовой строй и первобытная мифология. М., 1964
59. Иванов П.Л. Хозяйство джуйбарских шейхов. М., Л., 1954.
60. Иностранцев К. Хунну и Гунны. Труды ДИЖВЯ. Л., 1926 г.
61. Инцкирвели Г.З., Э.Л.Розин. Ф.Энгельс о происхождении и сущности государства (К 100-летия создания труда Ф.Энгельса «Происхождение семьи, частной собственности и государства) // Вопросы социалистического государства и права. Тбилиси, 1984 г.
62. История Алтая. Ч.1.Барнаул, 1983 г.
63. История Узбекской ССР. Т. I, Ташкент, 1955, 1967
64. История Казахской ССР. С древнейших времен до наших дней. В 5-ти томах. Т.1. Алма -Ата, 1977 г.
65. История Киргизской ССР. Т.1., Фрунзе, 1984 г.
66. История Туркменской ССР. Т. I, Ашхабад, 1957
67. История Татарской ССР. Т. I, Казань, 1957
68. История первобытного общества. Эпоха классообразования. М., 1988 г.
69. История средних веков. Т. I, Москва, 1952
70. Итина М.А. История степных племен Южного Приуралья (II - начало I тысячелетия до н. э.). Автореферат дисс. ист. наук. М., 1977 г
71. Кармышева Б.Х. Этнографическая группа «тюрок» в составе узбеков // СЭ. М., 1960, № 1
72. Киселев С.В. Древняя история Южной Сибири. М., 1951 г.
73. К истории феодального землевладения в Средней Азии и Иране в Тимуридскую эпоху // Историк –марксист, № 4, 1941
74. Кляшторный С.Г. Основные черты социальной структуры древнетюркских государств Центральной Азии (VI - X вв.) // Классы

и сословия в докапиталистических обществах Азии. Проблема социальной мобильности. М., 1986 г.

75. Колеснический Н.Ф. вопросу о раннеклассовых общественных структурах // Проблемы истории докапиталистических обществ. Кн.1. М., 1968 г.

76. Косвен М.О. Семейная община (опыт исторической характеристики) // СЭ. М –Л., 1948 г., № 3

77. Кирюков М.В. Типы систем родства и их исторические соотношения // Проблемы истории докапиталистических обществ. Кн.1. М., 1968 г.

78. Куббель Л.Е. Этнически общности и политические структуры доклассового и раннеклассового общества // Этнос в доклассовом и раннеклассовом обществе. М., 1982 г.

79. Кшибеков Д. Кочевое общество: генезис, развитие, упадок Алма-Ата, 1984 .

80. Кызласов Л.Р. История Тувы в средние века. М., 1969 г.

81. Кызласов Л.Р. История Южной Сибири в средние века М, 1984 .

82. Кюннер Н.В. Китайские известия о народах Южной Сибири, Центральной Азии и Дальнего Востока. М., 1961 г.

83. Лащук Л.П. Кочевничество и общие закономерности истории // СЭ. М., 1973 г.

84. Лащук Л.П.О характере классовообразования в обществах ранних кочевников // ВИ. М., 1967 г., № 7

85. Малов С.Е. Памятники древнетюркской письменности. Л., 1951 г.

86. Маркс К. Формы предшествование капиталистическому производству, М., 1940

87. Марков Г.Е. Кочевники Азии. М., 1976 г

88. Марков Г.Е. Община у кочевников и складывание в ходе их оседания территориально – соседской общины // Проблемы современной тюркологии. Алма - Ата, 1980 г.

89. Миняев С.С. Производство бронзовых изделий у сюнну // Древние горняки и металлурги Сибири. Барнаул, 1983 г.

90. Мукминова Р.Г. Из истории вакфного землепользования в Средней Азии в XVI веке, В кн-Исследования по истории культуры народов Востока, М-Л., 1960

91. Очерки истории Алтайского края. Барнаул, 1983 г.

92. Очерки по истории хозяйства народов Средней Азии и Казахстана. (под. Ред. Абамзона С.М. и Оразова А.). М., 1973.
93. Петрушевский С.П. Очерки по истории феодальных отношений в Азербайджане и Армении в XVI-XIX вв. Л., 1949
94. Путешествие в восточные страны Плано Карпии Рубрука. М., 1957
95. Плетнева С.А. От кочевий к городам // МИА. 1967, № 142
96. Плетнева С.А. Кочевники средневековья. М., 1982 г.
97. Потапов Л.П. О сущности патриархальной-феодальных отношений у кочевых народов Средней Азии и Казахстана // ВИ. М., 1954 г., № 6
98. Радлов В.В. Из Сибири. М., 1989 г.
99. Радлов В.В. К Вопросу об уйгурах. СПб, 1983 г.
100. Рашид-ад Дин Фазлиллах. Джамии А-таварих. Баку, 1957. т
101. Руденко С.И. Башкиры. Историко-этнографические очерки. М.-Л., 1955 г.
102. Руденко С.И. Культура хуннов и ноинулинские курганы. М - Л., 1962 г.
103. Семенюк Г.И. Проблемы истории кочевых племен и народов периода феодализма. Калининград, 1974
104. Таскин В.С. Материалы по истории сюнну (по китайским источникам). М., 1968 г.
105. Таскин В.С. О титулах шаньюй и каган // Монголика. Памяти академика Б.Я. Владимирцова (1884-1931). М., 1986 г.
106. Тизенгаузен В.Г. Сборник материалов, относящихся к истории Золотой Орды. М-Л, 1941
107. Тихонов Д.И. Хозяйство и общественный строй уйгурского государства X-XIV вв. М., 1966
108. Тихонов Д.И. Хозяйство и общественный строй уйгурского государства X-XIV вв. М.-Л., 1966 г.
109. Томилов Н.А. Очерки этнографии тюркского населения Томского Приобья. Томск, 1983 г
110. Туркестан в эпоху монгольского нашествия. Москва, 1960 «Улугбек и его время» - Сочинения, т. II, М., 1969
111. Хазанов А.М. «Военная демократия» и эпоха классового образования // ВИ. М., 1968 г., №12

112. Хазанов А.М. Социальная история скифов. Основные проблемы развития древних кочевников Евразийских степей. М., 1975 г.

113. Хазанов А.М. Ф.Энгельс и некоторые проблемы классового образования // Проблемы этнографии и антропологии в свете научного наследия Ф.Энгельса. М., 1972 г.

114. Худяков Ю.С. Вооружение енисейских киргизов VI-XII вв. Новосибирск, 1980 г.

115. Худяков Ю.С. Вооружение Центрально – Азиатских кочевников в эпоху раннего и развитого средневековья. Новосибирск, 1991 г.

116. Чеснов Я.В. Об этнической специфике хозяйственно-культурных типов // Этнос и доклассовом и раннеклассовом обществе. М., 1982 г.

117. Чехович О.Д. Вакфный документ времени Тимура из коллекции Самаркандского музея // Эпиграфика Востока, IV, 1951

118. Шахматов В.Ф. Казахская пастбищная – кочевая община (Вопросы образования, эволюции и разложения. Алма - Ата, 1964 г

119. Энгельс. Ф Происхождение семьи, частной собственности и государства. М., 1951, 1980 г.

Амрахов Маис Исраил оглу

**Возникновение государственности
и формы землевладения у тюрков**

Учебное пособие

Баку – Мутарджим – 2011

Книга сверстана и отпечатана
в издательско-полиграфическом центре «Мутарджим»

Подписано к печати 10.09.2011.
Формат: 60x84 1/16. Гарнитура: Times.
Объем: 7,5 п.л. Тираж 300. Заказ № 71.

ИИЦ «Мутарджим»
Баку, ул. Расула Рзы, 125
тел./факс: (99412) 596 21 44
e-mail: mutarjim@mail.ru

—
TƏRCÜMƏ
VƏ NƏŞRİYYAT-POLİQRAFİYA
MƏRKƏZİ

Az 1014, Bakı, Rəsul Rza küç., 125
596 21 44; 497 06 25; (055) 715 63 99
e-mail: mutarjim@mail.ru